

*Поразительную актрису,
прекрасного, стойкого и мужественного человека
Илена редколлегии «Континента»
Галину Павловну ВИШНЕВСКУЮ
сердечно поздравляем
с юбилеем*

*Одного из самых любимых наших авторов,
дорогого нашего друга и бескомпромиссного критика
Илена редколлегии «Континента»
Валерия Николаевича СОИФЕРА
поздравляем
с 75-летием*

Горько скорбим о кончине
нашего постоянного автора и дорогого нам человека
Станислава Борисовича Рассадина.
Приносим сердечные соболезнования близким покойного.

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит 4 раза в год

149+

2012, № 3
июль — сентябрь

ПАРИЖ • МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

*Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ*

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И. И. Виноградов

Издатель:

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА “КОНТИНЕНТ”»**

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

Время работы редакции: 15:00–19:00 (вторник, четверг)

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(499) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/
<http://continent-rus.ru/>

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

- © АНО «Независимая редакция журнала “Континент”»
- © Название журнала «Континент» — В. Е. Максимов

Главный редактор

Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ

Юрий АФАНАСЬЕВ

Александр БЛОК

Галина ВЕЛИКОВСКАЯ

Галина ВИШНЕВСКАЯ

Алла ДЕМИДОВА

Ион ДРУЦЭ

Ирина ДУГИНА

Евгений ЕРМОЛИН

Николай ЗЛОБИН

Андрей ЗУБОВ

Вячеслав ИВАНОВ

Андрей ИЛЛАРИОНОВ

Фазиль ИСКАНДЕР

Роберт КОНКВЕСТ

Наум КОРЖАВИН

Эдуард КУЗНЕЦОВ

Александр КЫРЛЕЖЕВ

Николаус ЛОБКОВИЦ

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ

Адам МИХНИК

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ

Жорж НИВА

Амос ОЗ

Мишель ОКУТЮРЬЕ

Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ

Валерий СОЙФЕР

Сергей ЮРСКИЙ

Представители «Континента»

АВСТРИЯ

Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ

Наталья ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ

Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ

Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ

Александр и Татьяна
СЕРГИЕВСКИЕ
69 via Palestro
00185 ROME, ITALIA
☎/fax (+39) 064-463-249

КАНАДА

Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША

Татьяна ХОХЛОВА
Ul Belwederska 25, Rosyiski osrodek
nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ

Fundacja «Slavica Orientalia»,
Ul. Przylesna, 12
05-077 WARSZAWA, POLSKA
☎ (22) 425-40-87; (22) 498-06-95
w_olbrych@op.pl

США

Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ

1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ

Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS,
FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

ШВЕЙЦАРИЯ

Анастасия ВИНОГРАДОВА
Chemin des Fontanettes 2
1807 BLONAY, SWITZERLAND
☎/fax (21) 53-53-463

Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ

25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА

15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ

Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И МИР

У книжной полки

Андрей ИЛЛАРИОНОВ

Открывая Грузию 9

РЕЛИГИЯ

Приглашение к дискуссии

Владимир МОЖЕГОВ

Церковь: бесконечное обновление 25

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА»

Проблемы российской современности

в русской сетевой и бумажной периодике 2011 г. 78

Андрей ИЛЛАРИОНОВ

ОТКРЫВАЯ ГРУЗИЮ

От редакции

Книга называется «Почему у Грузии получилось». Автор ее, Лариса Буракова, — сотрудница Института экономического анализа (ИЭА)¹. Книга вышла при участии и информационной поддержке ИЭА, в ней использованы проведенные в его стенах расчеты, в предисловии автор выражает благодарность директору и президенту института. Так что нам показалось довольно естественным поговорить об этой книге с президентом Института экономического анализа, постоянным автором и членом редколлегии «Континента» Андреем Илларионовым, тем более что в грузинской тематике он является для нас безусловным авторитетом и его подробнейшее исследование на эту тему было опубликовано в нашем журнале².

¹ Буракова Л. Почему у Грузии получилось. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.

² См. статью «Российско-грузинская война» в № 140, частично вошедшую также в первый том «Избранного “Континента”» (№ 147).

**Андрей
ИЛЛАРИОНОВ**

— родился в 1961 г. в Сестрорецке. Окончил экономический факультет и аспирантуру ЛГУ, кандидат экономических наук. В 1983–1990 гг. — ассистент кафедры международных экономических отношений ЛГУ. В 1990–1992 гг. — старший научный сотрудник и заведующий сектором Проблемной научно-исследовательской лаборатории региональных экономических исследований Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. В 1992–1993 гг. — первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ (РЦЭР). В 1993–1994 гг. — глава Группы анализа и планирования при премьер-министре России В. С. Черномырдине (советник премьер-министра). В 2000–2005 гг. — советник президента России по экономическим вопросам, личный представитель президента России (шерпа) в Группе восьми. С 1994 г. — директор, с 2000-го — президент Института экономического анализа в Москве. С октября 2006 г. — старший научный сотрудник Института Катона в Вашингтоне. Живет в Москве и Вашингтоне.

Экономя время друг друга, а также журнальную площадь, мы не сочли целесообразным заново перечислять, что же за реформы были проведены в Грузии, какие отрасли хозяйства и какие структуры претерпели изменения, — все это читатель легко найдет в упомянутой работе А. Илларионова (глава «Экономические реформы в Грузии») и в тексте книги, с разговора о которой и стартовала наша беседа³.

Тем не менее, мы отдаем себе отчет в том, что читатель, возможно, не знаком с этими текстами и за практически полным отсутствием в наших СМИ информации о происходящем в Грузии не имеет ни малейшего представления, о чем идет речь. Поэтому мы позволили себе четыре цитаты с обложки книги и из предисловия к ней.

** «Эта книга удачно описывает, как свобода способна изменить страну. Из самого недееспособного государства Грузия превратилась в одну из самых преуспевающих стран с переходной экономикой, из одной из самых коррумпированных — в одну из наименее коррумпированных...» (Март Лаар, премьер-министр Эстонии в 1992–1994 и 1999–2002 гг.).*

** «Сегодня в Грузии не более чем за полчаса можно оформить продажу квартиры, получить номера для автомобиля, зарегистрировать фирму или НКО, и для этого не потребуется даже печати и уставного капитала. Полицейские работают так, что не все закрывают на ночь свои машины, а гаишники не берут взятку хотя бы потому, что ГАИ распущена. Благодаря эффективной правоохранительной системе страна позволяет себе то, что прежде было невозможно. В городах появилось множество спортивных площадок, которые при прежней полиции были бы разрушены так же быстро, как это бывает у нас. Между городами стали появляться дороги европейского уровня, чему прежде препятствовали распространённые и у нас “договорные конкурсы”» (Евгений Ясин, научный руководитель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»).*

** «Это история о том, как провалившийся практически по всем параметрам общественный организм, неспособный обеспечить граждан самыми базовыми услугами, включая электро- и водоснабжение, пораженный миазмами коррупции, практически захваченный бандитами, за несколько лет превратился в динамичную преуспевающую нацию, ставящую один рекорд за другим, вызывающую восхищение друзей и зависть врагов. Эта история подобна сказке о гадком утенке, за несколько мгновений превратившемся в прекрасного лебедя. С одной только поправкой: происходит это не в сказке, а наяву» (Андрей Илларионов).*

** «У меня просто слезная просьба: откройте нам Грузию! Это я говорю просто вот в очко телекамеры. <...> Откройте нам Грузию! Все говорят, что у них внутренняя политика умнее внешней. Все говорят, что они уничтожили*

³ В интернете статью А. Илларионова можно найти по адресу: <http://magazines.russ.ru/continent/2009/140/ill16.html>, а обширный фрагмент книги Л. Бураковой — по адресу: <http://www.taxru.com/BOOKS/Publicistika/Georgia-1-26.pdf>,

коррупцию. Все говорят, я не знаю, прочесть об этом негде. Все говорят, что они там ГАИ как-то ликвидировали. Что у них в министерстве молодые люди министрами служат, им по двадцать семь лет. И по несколько человек — состав министерств. Что нам мешает позаимствовать, подсмотреть в скважину, что там происходит? Сообщите нам, что там происходит. Оттого, что об этом не говорят, ощущение, что там рай» (Михаил Жванецкий).

— Андрей Николаевич, мы знаем вас как горячего сторонника грузинских реформ. Каково, на ваш взгляд, положение дел там на сегодня?

Перемены в Грузии произошли в последние восемь лет со времени Революции роз, а точнее, со времени избрания Михаила Саакашвили президентом Грузии в январе 2004-го. Так что сейчас уже есть восемь полных лет нового режима в Грузии, нахождения у власти в стране новых политических сил. Сегодня хорошо видно, что можно сделать за восемь лет в том случае, если есть желание, если есть представление о том, какой хочется видеть страну, если есть соответствующая политическая поддержка, даже несмотря на то, что этому сильно мешают. Мешают отчасти и внутри страны, но, в основном, извне — в том числе с помощью блокад, вторжений, бомбежек, войн и т. д.

Конечно, нужно помнить, в каком ужасном положении Грузия находилась всего лишь восемь лет тому назад, когда не было света, не было воды — ни холодной, ни горячей, на улицах царил бандитизм, страна находилась, по сути, в руках воров в законе. Если сравнивать то, что было тогда, с тем, что происходит сейчас, — это, конечно, земля и небо. В настоящее время в стране в целом безопасно, преступность в огромной степени подавлена, воры в законе либо сидят в тюрьме, либо уехали. Базовые системы обеспечения, электричество, вода — все это работает без проблем. Даже изменения во внешних, хорошо заметных признаках производят сильное впечатление.

Но гораздо более важным является содержание — восьмилетний процесс экономического, политического, правового реформирования, который можно обозначить одним термином — «прощание с совком». Прощание с советской властью, прощание с советским образом жизни, прощание с советской экономикой, прощание с советским менталитетом... Надо отдать должное Михаилу Саакашвили и его команде: к чему — к чему, но вот именно к наследству советской системы во всех его проявлениях — экономических, политических, социальных, культурных, языковых — и он и вся его команда относятся абсолютно нетерпимо, они выжигают его каленым железом. Причем, воозможно, в чем-то процесс «выжигания» всего советского проводится в Грузии еще более последовательно и еще более жестко, чем даже в Балтийских республиках. Эти результаты, как я уже сказал, производят впечатление.

— Мы знаем, что вы совсем недавно были в Грузии. Расскажите, где вам удалось побывать, с кем поговорить? Каковы ваши главные впечатления?

Это была первая моя поездка, не связанная с выступлениями, конференциями, семинарами. Михаил Саакашвили пригласил меня на встречу Нового года. Новый, 2012 год встречали в Батуми — в городе, который за последние три года заметно преобразился. Так получилось, что в этом городе впервые я побывал еще в советское время, в 1985-м, потом оказался в нем в 2008 году, вскоре после российской агрессии против Грузии. В октябре 2008 года Батуми был еще совершенно советским городом. Точнее, даже не советским, а постсоветским, находившимся в состоянии загнивания и развала, — довольно грязным и весьма непривлекательным. Сейчас же он преобразился так, что начинает походить на европейский средиземноморский город.

В нынешнюю поездку мне в голову пришло и потом никак не могло ее покинуть навязчивое сравнение того, как встречали Новый год в Кремле, когда я работал в администрации президента России, и того, как встречали Новый год в Батуми. Этот контраст совершенно не вылезал из головы. Так получилось, что с 2000-го по 2005 год я участвовал в традиционных праздничных мероприятиях по встрече Нового года, организуемых российским президентом и администрацией российского президента. Из исполнителей, регулярно приглашаемых на эти вечера, мне почему-то особенно запомнились Надежда Бабкина и группа «Белый орел», ударным хитом которой была песня (которую я, собственно, там впервые и услышал) с припевом: «А в чистом поле — система “Град”. За нами Путин и Сталинград»... И вот сколько я помню кремлевские новогодние вечера, без этой группы как-то не обходились. И без этой песни тоже.

В Грузии Новый год я встречал лишь однажды, поэтому обобщения делать трудно. Тем не менее, мне удалось посмотреть записи того, как встречали два предыдущих Новых года — соответственно 2011-й и 2010-й, тоже в Батуми.

Контраст путинского Кремля с саакашвилевским Батуми можно описать, как минимум, по ответам на три вопроса: кто, где и как.

Первое — кто. Если на встречу 2012 года в Батуми приехал Хулио Иглесиас, то раньше туда приезжали Пласидо Доминго, Хосе Каррерас, замечательная кубинская джазовая группа «Buena Vista Social Club» — легендарный международный ансамбль, собранный несколько лет тому назад из тех кубинцев, кто играл еще джаз в 50-х годах до того, как власть на Кубе была захвачена Фиделем Кастро. И вот эти весьма пожилые люди блестяще играли джаз в Батуми.

Второе — где. Пьяцца — это реконструированный (а по сути дела — созданный) в итальянском стиле квартал Батуми, который производит впечатление настоящего итальянского города. Вообще, надо сказать, значительная часть Батуми уже перестроена. А его прибрежная часть выглядит просто невероятно: почти каждый шедевр мировой архитектуры — от Афинского акрополя до Пизанской башни — имеет своего «представителя» на набережной Батуми. И вот в таком антураже мировые звезды исполняют классику — и оперную, и джазовую, и популярную.

Третье — как. Празднование Нового года в Москве, в БКД и КДС, происходило закрыто. Это было мероприятие для тех, кого отбирали, кого селективно подбирали и кого удостоили быть допущенными до двора. А в Батуми и Хосе Каррерас, и Пласидо Доминго, и «Buena Vista Social Club», — все они пели для всех граждан, для жителей Батуми, для гостей города. Это были открытые концерты под открытым небом для всех людей.

И конечно, вот это сравнение празднования Нового года в Москве и в Батуми — кто, где и как — говорит о многом — даже не только и не столько в смысле разницы между двумя политическими режимами, сколько в смысле глубочайшей пропасти культурного, мировоззренческого, человеческого характера.

— А с кем-то из государственных деятелей вы встречались? Из министров?

Нет. Зато я встретился с самым главным министром из всех грузинских министров — с Бубой Кикабидзе, который тоже был на этом празднике и который пел там песни. Причем он пел не только грузинские, но и русские песни. Надо сказать, что, возможно, там было всего лишь несколько человек из России, может быть, было лишь человек шесть или восемь русскоязычных. Все остальные были либо грузины, либо представители дипломатического корпуса. Соответственно, возможно, лишь для шести-восьми-десяти человек русский язык был родным. И тем не менее, Вахтанг Кикабидзе с огромным удовольствием — и для себя, и для слушателей — пел песни на русском языке. Мне особенно это хочется отметить, поскольку иногда приходилось слышать комментарии в российских СМИ, будто бы в Грузии запрещено исполнение песен на русском языке.

Буба пел по-русски, естественно, в присутствии Михаила Саакашвили, некоторых грузинских министров, представителей власти. Это еще один небольшой штрих, позволяющий судить, насколько искаженным является для некоторых наших граждан представление о том, что на самом деле происходит в Грузии. При этом видно, что сами грузины, в том числе и нынешнее грузинское руководство, не пытаются ничего изображать, нарочито что-то показывать: они живут вот так, ценят вот это. Они ценят и любят и грузинскую музыку, и итальянскую, и испанскую, и английскую, и американскую, и русскую музыку. Они ценят и любят все красивое — независимо от происхождения.

Потому, наверное, главный результат и главное достоинство деятельности Саакашвили — это интеграция Грузии в современный мир, включение ее в мировые экономические, политические, культурные процессы. На этом фоне главный результат деятельности российских властей — это растущая изоляция России от окружающего мира культуры, достоинства, приличий. И в то же время интеграция России в мир бандитов и шпаны — и российской, и международной. Так что от разницы в культурных — даже не уровнях, а, как теперь модно говорить, матрицах, конечно, никуда не деться.

— *На мой взгляд, самое удивительное из того, что вы рассказали, — отношение к русским песням. Совершенно понятно, что, когда люди цивилизованы и дружелюбны, когда их не грызет комплекс неполноценности, они открыты другой культуре. Но для Грузии культура Италии или, скажем, Греции — это совсем не то, что русская: эти государства ей не угрожают. А наша с вами страна с ее имперскими амбициями все-таки существует для них сейчас как не очень приятное соседство и совершенно реальная угроза. Не для кого ведь не секрет антигрузинская риторика наших первых и не первых лиц, наших СМИ. И вдруг — русские песни... Как простые люди, если вы с ними встречались, — хотя журналисты утверждают, что сегодня считается уже неприличным говорить: «Вот я приехал в Грузию, и таксист мне сказал»... Ну пусть не таксисты, как люди на улицах, в магазине или в гостинице, — как они относятся к России, и если они относятся к ней спокойно, настолько спокойно, что их не раздражают русские песни, то чем это можно объяснить? Тут, в Грузии, русские песни — после всего! Что это, какое-то невероятное самообладание, чувство собственного достоинства?*

Хотя вы и призываете меня не ссылаться на грузинских таксистов, но это не получится. Для меня многие особенности встреч с ними тоже были неожиданными. Действительно, многие таксисты любят включать музыку. И я бы сказал так: наверное, восемь из десяти тбилисских таксистов слушают русскую музыку — и современную, и советскую эстраду. Поначалу мне казалось: наверное, они это делают для того, чтобы потрафить приезжому. Наверное, в чем-то это так и есть: грузины — очень гостеприимный народ и всегда стараются сделать приятное гостю. В то же время видно, что это и им самим приятно. И никакого негативного отношения к российской культуре, к русской культуре я никогда в Грузии не замечал...

Пока, как мне кажется, в части эстрадной музыки непреодолимого культурного разрыва между нашими странами не произошло. Более того, у меня сложилось впечатление, что воздействие российской популярной музыки на Грузию очень сильно, причем не только на Грузию: с похожей ситуацией я встречался и в других странах — в Казахстане, в Киргизии, в Прибалтике, в меньшей степени в Украине. Вообще, мне кажется, российская эстрада чувствует себя вполне комфортно на пространстве бывшего СССР. Возможно, российская эстрада на постсоветском пространстве играет роль, в чем-то подобную роли Голливуда в мировом кинематографе, — и та, и другой входят, не спросясь, в каждый дом, в каждый телевизор, на каждый экран...

— *А утверждение, что русские песни запрещены в Грузии, оно, по-вашему, на чем-то основано, какой-то реальностью питается?*

Что, похоже, действительно есть, то это, видимо, негласный запрет на исполнение блатных песен — независимо от языка. Блатные песни воспринимаются как часть криминальной культуры, а борьба с криминалитетом в Грузии совершенно безжалостная.

Это касается не только тех, кто действительно совершил преступление, но и тех, кто называет себя, например, вором в законе. То есть даже если формально человек не совершил преступления, но признал, что является вором в законе, то по нынешнему законодательству Грузии это является основанием для того, чтобы оказаться под судом и потом в тюрьме. То есть если вор в законе согласно воровскому кодексу чести не может отказаться от этого звания и признает его, то он отправляется за решетку. Если же он отказывается от этого звания — даже в разговорах с представителями правоохранительных органов, то таким образом он вообще отказывается от этого статуса. Или же выезжает из Грузии в любую другую страну. Обычно они выбирают либо Россию, либо Украину.

— Да, Лариса Буракова пишет о том, что институт воров в законе (наряду с коррупцией) был чуть ли не визитной карточкой советской Грузии и что, согласно опросу 2002 года, 25 процентов кутаисских мальчиков заявили, что хотят быть ворами в законе, а 35 процентов девочек — женами воров в законе...

Да, совсем недавно дело обстояло именно так. Еще раз уточню: с чем действительно борется грузинская власть, что является для нее абсолютно неприемлемым, — это не русская культура, а русская блатная культура. Так же как и грузинская блатная культура, армянская блатная культура, азербайджанская, украинская — какая угодно, любая из них является абсолютно неприемлемой. И вот эта борьба с криминальной деятельностью, с коррупцией как частью преступности, с блатной культурой носит действительно всеобъемлющий характер. Не случайно, что именно в деле борьбы с коррупцией, в деле ликвидации прежней полиции и создании новой полиции достигнуты такие феноменальные успехи. В итоге уровень доверия к полиции сейчас оказался одним из самых высоких, чуть ли не на уровне доверия к Грузинской православной церкви. Результат совершенно невероятный, непредставимый всего лишь восемь-десять лет тому назад.

В книжке, про которую мы говорим, есть список людей, у которых Лариса Буракова брала интервью. Там примерно пятьдесят человек, в том числе и многие из тех, кто проводил реформы в разных областях жизни. Так вот в этом списке есть фамилии двух людей, реформаторов, находящихся сейчас за решеткой. То есть они уже после этих интервью совершили действия, подпавшие под статьи Уголовного кодекса, и этого было достаточно для того, чтобы, невзирая на их заслуги перед страной, их заслуги перед властью, их заслуги в проведении реформ, тем не менее, привлечь их к уголовной ответственности. Правило неотвратимости наказания работает без исключения: если совершил преступление, значит, оказался за решеткой.

Кажется, в интервью, вошедшем в эту книгу, Лариса Буракова спрашивает Михаила Саакашвили: «Скажите, пожалуйста, что было самым трудным в деле реформирования?» Его ответ поражает: «Самым трудным были отношения в моей семье». Дальше он поясняет: «Когда мы стали делать рефор-

мы, с половиной членов своей семьи пришлось перестать разговаривать». Почему? Ну это, в общем, понятно: в любой стране, в любой постсоветской стране, в любой стране, которая находится в нашем регионе мира, отношения с близкими людьми, с родными людьми, с членами семьи особые, а в Грузии — тем более. И традиционный, естественный, подход заключался в том, что если представитель семьи оказался в руководстве страны, если он оказался во власти, то, соответственно, должен помогать членам своей семьи — в этом вопросе, в том вопросе, в третьем вопросе. Ответ Саакашвили всем членам его семьи был одним и тем же: «Я прежде всего президент страны. Если я начну помогать за счет страны членам своей семьи, то это уничтожит — в моральном плане уничтожит — все то, ради чего мы пришли к власти, все, что мы делаем». Конечно, такой подход — это что-то неслыханное для Кавказа, для Грузии, для нынешней России...

Кстати, недавно интернет обошла фотография: президент Грузии на своей даче. Оказалось, что какое-то время тому назад Михаил Саакашвили купил дачу в Кахетии, был этим очень горд и по этому случаю даже показал своим иностранным друзьям эту дачу. Дачу, относительно которой один мой знакомый сказал: «На Рублевке в таких помещениях не везде охрана согласится жить». Но это дом президента Грузии, который он построил за честно заработанную зарплату на земле, честно приобретенной им в свою собственность.

Каждый из этих элементов, каждый из этих шагов показывает характер, мировоззрение, поведение людей, которые сейчас оказались у власти в Грузии. Поначалу еще, признаюсь, у меня возникало ощущение: возможно, это их поведение для публики, это они демонстрируют для иностранных гостей, это они для нас изображают, что они взяток не берут, *но мы же понимаем, как жизнь на самом деле устроена*. Но вот проходит время, и приходят все новые и новые подтверждения, что они делают это не для демонстрации, не для того, чтобы пустить пыль в глаза, это их принципиальная позиция. Эти люди действительно так живут.

— А что вы можете сказать о личности Саакашвили, о его, так сказать, человеческой значительности? Его ведь у нас чаще всего изображают как просто очень ловкого политического игрока. А то и вовсе как марионетку, которой управляют заокеанские кукловоды...

Михаил Саакашвили — один из наиболее талантливых руководителей на постсоветском пространстве, причем с точки зрения не только разрушения старого, но и созидания нового. Разрушителей мы видели. У нас были такие разрушители, в том числе и в нашей собственной стране, которые с разной степенью успешности смогли справиться с задачами разрушения старого; гораздо хуже у них получилось с созданием нового. Саакашвили же оказался уникальным человеком в деле создания нового. И конечно, у любого человека — и современника, и историка, и человека, задумывающегося о том, что можно было бы сделать в нашей стране, — его личность не может не вы-

зывать огромного интереса — с точки зрения понимания того, кто, какие люди могут делать подобные реформы, какие качества должны быть у людей, чтобы стать такими революционерами, реформаторами, создателями нового. Особенный же интерес дополнительно порождается тем, что по адресу Михаила Саакашвили регулярно слышатся проклятия и всякая неприличная брань со стороны лиц, временно занимающих руководящие позиции в России. Сопоставление этих людей, конечно, неизбежно; естественно, возникают разнообразные сравнения, в том числе и в связи с такого рода оскорблениями. Напрашиваются, естественно, сравнения и из популярных басен, потому что ну чем еще, кроме площадной брани и оскорблений, можно наградить человека, сделавшего то, чего у них даже в самых смелых мечтаниях никогда не было из-за ограниченности их кругозора.

Тезис о том, что он является какой-то там американской марионеткой, — это даже не смешно. И в Европе, и в США сейчас трудно найти лидеров, сопоставимых с Саакашвили по своему интеллектуальному потенциалу и энергии. В течение многих лет и сам Саакашвили, и его коллеги пытались объяснить и западноевропейским, и американским деятелям, что происходит в Грузии, что происходит в России, что происходит в отношениях между Россией и Грузией, к чему все это идет. Ни один западноевропейский или американский деятель не смог этого понять. И по сути дела, каждый из них бросал Грузию на произвол агрессивного соседа-бандита, пытаясь парализовать волю к сопротивлению у того же Саакашвили и грузинского руководства, только приговаривая: «Не надо ничего делать, не надо раздражать российское руководство, не надо провоцировать российское руководство». И то, что сделал Саакашвили, он сделал в противоречие тем ложным советам и тем вредным рекомендациям, которые давали ему западные лидеры. И тем самым он, конечно, продемонстрировал, что никакой марионеткой, никаким исполнителем западных советов, он, конечно, не является. Он является человеком, думающим о благополучии собственной страны, о ее независимости, свободе, безопасности. Он сделал то единственное, что могло спасти его страну, ее народ, ее общество. И он это сделал, немало пожертвовав с точки зрения собственного потенциала, собственной репутации. Но он спас свою страну. Конечно, это поступок не просто политика, — это поступок большого государственного деятеля, который готов жертвовать и свой собственной судьбой, и репутацией, и жизнью ради своего народа.

— Он занимает пост президента уже девятый год. Насколько это конституционно?

В Грузии президентский срок — пять лет. В первый раз Саакашвили был избран в январе 2004 года. Новые выборы назначены на осень следующего года, и всем известно, что на выборах 2013 года Саакашвили выставлять свою кандидатуру не будет. В отличие от России, ни у кого ни в Грузии, ни за ее пределами нет сомнений по поводу того, как будет интерпретироваться

грузинская конституция: два срока подряд или не подряд, — ясно, что больше президентом Грузии он не будет.

— *А насколько уникальна его команда? Что произойдет, когда власть сменится?*

Что произойдет, сейчас, конечно, сказать трудно. Но что касается команды, то она играет роль не меньшую, чем сам Саакашвили, потому что, действительно, в этой команде он не хан, не султан, владеющий людьмишками, выполняющими его поручения. Он и не *capo di tutti di capi*⁴. Ничего подобного: он — один из. Можно сказать, первый среди равных. Другие члены команды, каждый из них сам по себе — это, конечно, личность. Личность огромного потенциала и огромных возможностей. Достаточно назвать любого. Вот Вану Мерабишвили, министр внутренних дел. Это человек, по потенциалу сопоставимый с Михаилом Саакашвили. Или министр юстиции Зураб Адеишвили — аналогично. Или Каха Бендукидзе — человек, который сделал экономические реформы в Грузии. Это вообще человек-оркестр по своим качествам и возможностям...

И таких людей там много не только на постах министров. Некоторые из них занимают посты заместителей министров. Например, Эка Згуладзе, замминистра внутренних дел, — хрупкая тридцатилетняя девушка с аристократической внешностью и железным характером. Но какой же в ней колоссальный потенциал! Или другие люди. Тина Бурджалиани, замминистра юстиции. Григол Вашадзе, министр иностранных дел Грузии, — человек, долгое время работавший в Москве, в том числе и в советском МИДе, — человек, который во многом обеспечивает проведение грамотной внешней политики для Грузии. Это действительно талантливые люди, и таких людей там немало. Например, Гига Бокерия, человек, который сейчас возглавляет Совет безопасности Грузии, — редкий интеллектuala. Бывший премьер Ладно Гургенидзе, принадлежащий к мировой интеллектуальной элите... Нынешний премьер Ника Гилаури — уникальный человек. Вато Лежава — воплощение профессионализма, работоспособности и достоинства... Вообще все эти люди, члены этой команды, нового грузинского руководства отличаются поистине европейской культурой, европейским кругозором, интеллигентностью, удивительным чувством человеческой порядочности по отношению друг к другу, к своей стране, к коллегам и партнерам за ее пределами.

— *Их всех собрал Саакашвили или они «слетелись на свет» той ситуации, которая возникла в Грузии?*

И так, и так. С одной стороны, конечно, особую роль сыграл сам Саакашвили, потому что прежде всего собирал людей именно он. Одно время

⁴ «Босс боссов» (*итал.*) — фраза, используемая сицилийской и американской мафией, для обозначения босса самой влиятельной мафиозной семьи (*Википедия*).

там был такой период, когда на постах министров и вообще в руководстве оказалось немало людей, кто либо получил образование за рубежом, либо работал за границей. Там были люди, которые приехали из Англии — например, Ладо Гургенидзе, который долгое время работал в Лондоне, был там успешным банкиром, а в 2007–2008 годах был премьер-министром Грузии. А Эка Шарашидзе, успешно работавшая в Нью-Йорке в инвестиционном бизнесе, была министром экономического развития Грузии, руководила администрацией президента. Были люди, кто работал во Франции. Каха Бендукидзе работал в России, приехал в Грузию... Давид Кезерашвили — работал в Израиле, приехал в Грузию... Неважно, где они работали — на Западе или на Востоке, они все вернулись в Грузию...

Интересен подбор и тех людей из команды Саакашвили, кто никуда не уезжал из Грузии, — они приехали из разных регионов. Среди них есть и православные, и католики, и иудеи, и все они дружно работают в единой команде и вместе делают общее дело. Там есть, например, люди, которые любят экстремальные виды спорта: сплавляются по рекам или прыгают с каких-то вышек, есть и интеллектуалы, собирающие коллекции картин и готовые (и способные) часами обсуждать особенности творчества Шекспира... Это удивительная команда людей, которые пришли с разных сторон общественной жизни, из разных регионов, с разным багажом, но все они делают одно общее дело. Многих из них, действительно, собрал Саакашвили, другие пришли сами. Кажется, никто не знал друг друга с детства. Но в деле возрождения своей страны они познакомились, узнали друг друга, сейчас делают общее дело.

Причем такой подход касается не только политической жизни. Летом прошлого года мне посчастливилось познакомиться с Тамарой Квеситадзе. Это уникальный грузинский скульптор. Она профессионально делала куклы, а сейчас делает удивительные скульптуры. Так, она сделала небольшую скульптуру, которую в телевизионном сюжете увидел Саакашвили. Он тут же ее нашел (Тамара в то время работала в Европе), пригласил в Грузию, и она сделала великолепный памятник Али и Нино, который находится сейчас на набережной в Батуми. Это многометровые фигуры юноши и девушки, которые находятся в постоянном движении: они расходятся, сходятся, через какое-то время оказываются друг против друга, сливаются в поцелуй, в объятиях, проходят друг сквозь друга, расходятся — чтобы через несколько минут снова сойтись. Памятник выполнен по мотивам знаменитого романа 30-х годов «Али и Нино» Курбана Саида — о любви грузинской девушки Нино и азербайджанского юноши Али. Эта скульптура стала символом Батуми, и к ней днем и ночью идет паломничество... Вот это то, что произошло на наших глазах: памятник поставлен полтора года назад и уже стал символом города. А еще совсем недавно эту художницу мало кто знал...

Другой пример — Софо Нижарадзе. Ей сейчас, наверное, лет двадцать пять, закончила академию имени Гнесиных в Москве. Красивый, великолепный голос, жила в России. После того как в 2008 году на Грузию напали бандиты, Софо уехала на родину. И несмотря на то, что из Москвы поступали

лестные приглашения, предлагали интересные партии в московских мюзиклах за деньги, каких в Грузии она не может получить, она ответила: «Нет».

Интересно, что грузинское возрождение привлекло не только грузин. Например, очень интересную скульптурную композицию на тему трех ветвей власти перед резиденцией Михаила Саакашвили на высоком берегу над Курой создала Габриэла фон Габсбург, внучка последнего австро-венгерского императора. Она приехала в Грузию, влюбилась в Грузию, влюбилась в грузин, сделала эту скульптуру, которая сейчас украшает дворик рядом с президентской резиденцией, а совсем недавно получила необычное для художника и скульптора назначение — пост чрезвычайного и полномочного посла Грузии в Германии.

И опять же, каждое из этих действий, каждый из этих шагов показывает, насколько необычным, нестандартным, неограниченным формальными критериями и рамками являются кругозор, мировоззрение, действия нынешней грузинской власти. Особенно на фоне убожества блатных, криминальных, бандитских оппонентов в соседней стране. Это два совершенно разных мира. Мир культуры, цивилизации, международного общения и человеческой порядочности. И мир коррупции, насилия, шпаны, бандитизма.

— А что там плохо?

Угроза. Постоянная угроза агрессии. Она нарастала в течение четырех с половиной лет со времени Революции роз и особенно с момента бегства Абашидзе из Аджарии в мае 2004 года, пока не вылилась в прямую агрессию и последовавшие затем бесконечные попытки свержения действующей власти. Это попытки военного переворота, попытки подкупа — и чиновников, и оппозиции, попытки использования оппозиции для свержения действующей власти: сейчас вот нашли для этого Иванишвили...

Конечно, в стране есть своя внутренняя жизнь, есть политическая борьба, есть оппоненты властей. В любой демократической стране они должны быть. И они имеются. Это совершенно нормально. Но кроме вот этого естественного нормального внутреннего элемента, есть и постоянное присутствие большого, богатого, сильного, завистливого, жестокого, агрессивного соседа, которому не дают покоя успехи небольшой небогатой страны, идущей своим путем и дающей своим жителям возможности другой жизни и образец того, какой она может быть и в других странах, включая и нашу родную Россию.

— Вы полагаете, что грузинский пример может быть чем-то полезен России? То есть вы не считаете, что успехи Грузии именно потому успехи, что страна крошечная и все в ней на виду?

Этот тезис обсуждался неоднократно. Вывод из обсуждений является прямо противоположным тому, какой мы часто слышим: на самом деле в маленькой стране провести реформы сложнее, чем в большой.

Во-первых, в маленькой стране удельный вес руководства страны в общей численности ее населения выше, чем в большой. Следовательно, у руководства страны относительно больше контактов, связей с людьми, и поэтому зависимость руководителей государства от личных связей, родственных контактов значительно больше, чем в большой стране. В России бюрократия, оказавшаяся во главе страны, в гораздо большей степени изолирована от остального общества, и, соответственно, у нее потенциально сохраняется возможность проводить гораздо более независимую политику, чем у тех, кто живет в небольшой Грузии. Именно поэтому проводить последовательные реформы в маленькой стране сложнее.

Во-вторых, в Грузии сила клановых, семейных традиций, менталитета гораздо сильнее, чем в России. В России семейные, клановые, земляческие отношения слабее, чем в Грузии.

В-третьих, с точки зрения ресурсов, с точки зрения развития социальной структуры, образования населения, уровня развития, контактов с Западом Россия богаче, чем Грузия. Это верно даже по показателям на душу населения. Что же касается абсолютных объемов, то российское преимущество оказывается стократным и даже более. Следовательно, возможности концентрации ресурсов на желаемых преобразованиях просто несопоставимы...

Наконец, это не Грузия оккупирует территорию России, это российские войска оккупируют двадцать процентов территории Грузии. Это на земле Грузии находятся российские военные базы, угрожающие всей ее территории, всему транспортному сообщению Грузии, ее выживанию.

Иными словами, по всем возможным параметрам Россия находится в несопоставимо более благоприятном положении, чем Грузия. Так что успех Грузии — это как раз успех страны, находящейся в несопоставимо более тяжелом положении, чем Россия.

— А чем все-таки недовольна оппозиция внутри страны? Не может же быть всё однозначно хорошо. Говорили вы с кем-то из оппозиционеров?

Не могу сказать, что хорошо знаю оппозицию, и тем более, что слежу за ее действиями. Но, честно говоря, временами она вызывает у меня удивление, переходящее в глубокое изумление. Одного деятеля оппозиции я встретил в фойе гостиницы «Мариотт» на проспекте Руставели в Тбилиси. Надо сказать, многие министры, депутаты, дипломаты бывают в этой гостинице на разного рода встречах. Гостиница «Мариотт» — это такое место, где за один день можно чуть ли не половину кабинета встретить. Каждый приходит, естественно, без охраны. И вот в какой-то вечер я там находился, разговаривал с коллегами, и в этот момент к гостинице подъехало около десятка черных гелендвагенов, и оттуда высыпала дюжина крепких таких молодцев — коротко стриженных и бритых, с очень характерными шеями, подбородками, в черных штанах, в кожаных куртках и проч. Они высыпали в это самое фойе и заняли позиции по его углам, создавая соответствующую

картину и атмосферу. Я спросил у своих коллег, что это такое происходит. Они говорят: «Подождите, сейчас увидите». Действительно, минут через пять подъехали еще машины, и оттуда вышел человек и в сопровождении шести-восьми парней в таких же кожаных куртках проследовал через фойе в бар, находящийся на этом же этаже. Я этого человека не знал в лицо до этого момента и спросил: «Кто это?» «А, — сказали мне, — вы же не знаете. Это господин Гачечиладзе». То есть один из лидеров оппозиции. И вот просто по внешнему виду как-то стало ясно, кто этот человек и какого рода Грузию он будет создавать в том случае, если окажется у власти...

— *Ну хорошо, а оппозиция, которая не ездил бы не на гелендвагенах и не ходила в гостиницу «Мариотт», вам не известна?*

Она, конечно, тоже есть. Вот, например, в 2009 году весь центр Тбилиси был заставлен металлическими клетками, — оппозиция блокировала центр города и тем самым, собственно, пыталась свергнуть нынешнюю власть. Они поставили клетки (так они показывали, что страна превратилась в тюрьму, в концлагерь), эти клетки обтянули какой-то тканью — получились палатки. Началось это девятого апреля, продолжалось в апреле, мае, июне — они стояли так до начала июля — наверное, около трех месяцев... Люди, оппозиционеры, жили в этих клетках... И постепенно, поскольку это тянулось долго, они принесли туда какую-то мебель — кровати, тумбочки, какую-то посуду. Они там жили, готовили пищу. Извиняюсь, справляли нужду там же, на проспекте Руставели. И поэтому через некоторое время приближение к проспекту Руставели можно было безошибочно идентифицировать по запаху, точнее, по гамме запахов, связанных с человеческой жизнедеятельностью.

— *Середина июля, Тбилиси... Это что же — градусов тридцать жары?*

Да, именно так. Это было тяжелейшее зрелище и, так сказать, дышалище... Все ближайшие тротуары, скверы были завалены мусором, грязью, самыми разными отходами — от еды, от приготовления пищи. От всего этого лагерь поднимался смрад... Впечатление незабываемое.

— *И как реагировал на это «полицейский режим» Саакашвили?*

«Полицейский режим» реагировал на это отвратительно: он ничего с ними не делал. По грузинскому законодательству публичные акции, демонстрации, митинги имеют уведомительный характер, — то есть для того, чтобы проводить акцию, не нужно получать разрешения властей.

Через какое-то время, по крайней мере, некоторые гости города стали обращаться к властям с просьбами: нельзя ли как-то это явление остановить, прекратить. Власти сказали: «Нет, нам не позволяет этого законодательство».

Людам, которые жили в клетках, платили вначале, кажется, двадцать лари в день, потом чуть ли не по пятьдесят-сто лари в день. Эти люди были привезены из провинции, в том числе из Кахетии. Надо сказать прямо, страна живет трудно, страна небогатая и не каждый день в Кахетии выпадает возможность получать двадцать-пятьдесят лари в день, не делая ничего, живя в центре Тбилиси, смотря телевизор и играя в нарды...

На власти началось давление: надо заканчивать, надо убирать это с улиц. Надо отдать должное Саакашвили, он сказал: у нас есть законодательство, люди, какие бы взгляды у них ни были, имеют право находиться на этой территории. Сколько будут — столько и будут...

История продолжалась до июля. Но результаты этого противосидения оказались неожиданными... До апреля девятого года, прямо скажем, были люди, сильно недовольные властью Саакашвили. Но когда оппозиционеры оккупировали центральные улицы Тбилиси, площади, проспект Руставели, когда пошел вот этот запах, люди вдруг вспомнили все, что у них было до прихода этой власти: отсутствие света, отсутствие воды — и вот этот самый запах, вот эта затхлость, этот смрад, которыми сопровождалась жизнь в течение полутора десятков лет до прихода команды Саакашвили. То, что за пять лет новой жизни уже начало забываться, просто вновь зримо встало у них перед глазами. И случилась невероятная вещь — мне многие люди об этом рассказывали — ну да, у них были претензии к Саакашвили, им не нравилось и то, и это, но когда они увидели эти груды мусора и почувствовали этот запах, они сказали: стоп, это же возврат к тому, что было у нас только что! И после этого люди сказали: нет, знаете что, вот этого нам не надо. У нас есть претензии к режиму, но вот *этого* точно не надо. И каждый день пребывания этой оппозиции на улицах Тбилиси уничтожал ее поддержку фантастическими темпами. И в начале июля, когда рейтинг оппозиции уже опустился с нескольких десятков до просто единичных процентов поддержки, они взяли и сами увезли свои клетки, очистили улицы. А потом пришли машины, пришли мусорщики — мыли улицы, убрали мусор, приводили город в порядок.

— А в чем же все-таки причины такой страшной ненависти наших властей к Грузии?

Много разных причин, конечно, можно было бы назвать. Но главная — это абсолютная несочетаемость, непримиримость менталитета руководства в России и руководителей в Грузии. Это принадлежность людей к разным социальным мирам, которая питает, я бы сказал, животную ненависть двочников, хулиганов и дворовой шпаны к мальчикам, получающим хорошие отметки, которых к тому же любят девочки. А вот шпану и хулиганье девочки не любят. И это очень обидно.

— Ну нашу-то шпану обожают — во всяком случае только что обожали — все девочки.

Видимо, это какие-то другие девочки, наверное, из того же социального круга. А из другого социального круга, кажется, нет.

— *Так что, по-вашему, нас ждет? То, что Россия вряд ли чему-то у Грузии научится, это...*

При нынешнем российском руководстве это, очевидно, невозможно. Это несовместимые модели не столько даже экономического или общественно-политического поведения — это несовместимые модели человеческого поведения.

— *А не рванет ли опять?*

Может.

— *В Грузии об этом не думают?*

Думают.

— *И что они могли бы сделать?*

А что можно сделать, если сосед — бандит и насильник, который к тому же постоянно угрожает, что придет в твой дом грабить? Что тут можно сделать? Надо быть готовым к тому, что он действительно может прийти. Значит, надо укреплять двери, стены, ставни на окнах, постоянно напоминать всем соседям по деревне о том, что бандит постоянно грозит напасть. Ну и, конечно, держать винтовку наготове и топор под кроватью.

— *Ну информировать-то ладно. А вот реально ли укрепить стены?*

В какой-то степени это возможно, хотя ресурсов немного, страна небольшая. К тому же другие соседи отказываются снабжать замками, элементарными средствами сигнализации, поэтому приходится обходиться подножными средствами и очень скромными ресурсами.

В то же время постоянное напоминание насильнику, что он — агрессор и насильник и что никто не собирается ему сдаваться и будет стоять насмерть, тоже оказывает определенное отрезвляющее воздействие. Хотя исключать, конечно, ничего нельзя...

Беседу вела Ирина Дугина

Приглашение к дискуссии

Владимир МОЖЕГОВ

ЦЕРКОВЬ: БЕСКОНЕЧНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ

Приятно быть на корабле, выдерживающем бурю, когда уверен, что он никогда не погибнет. Преследования, обращения против Церкви, похожи на стихии, обуревающие такой негнущий корабль. Историю Церкви следует собственноручно назвать историей истины.

Блез Паскаль

Церковь должна всегда гнить и всегда возрождаться.

Томас Элиот

Вступление

Обновление Церкви... Заявляя эту тему, мы рискуем оказаться в не слишком уютном пространстве. Буря непримиримых эмоций, взрыв надежд, негодования и фантастических видений, спускающихся с небес городов и горящих золотом куполов, всходящих на востоке, обрушится на нас, поднимет к райским вратам, бросит в умопомрачительную бездну и оставит в итоге у разбитого корыта. Боюсь поэтому, что словосочетание «обновление Церкви» окажется слишком неподъемным для начала разговора. Попробуем сократить его до одного существительного.

Итак, Церковь. Когда-то на вопрос «*что есть Церковь?*» ответить казалось легко. Но, боюсь, сегодня и он вызовет целый шквал недоумений и споров.

**Владимир
МОЖЕГОВ**

— родился в 1968 г. в Воркуте, окончил Академию кино и телевидения в Санкт-Петербурге. Публиковал работы на религиозно-философские, культурологические, историософские темы в «Московских новостях», «Литературной газете», «НГ-религиях», в «Русском журнале», журнале «Политический класс», «АПН», обзоре «Радонеж», альманахе «Илья» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Санкт-Петербурге.

Церковь есть установление Божеское, однако состоящее из земных людей, реальность небесная, но существующая на земле. Мы не можем знать всего, даже многого, ибо и мы не боги, и история еще не завершена. Но именно к нам — не слишком умным, слабым и вполне малодушным — приходил Христос, зовя приступом брать наши царства, не обращаясь назад. В конце концов, мы не знаем, что такое электричество, что не мешает нам пользоваться им каждый день. То же и с Церковью. Мы не можем позволить себе превратить ее в музей или любоваться ею как позолотой на государственном гербе, поскольку нуждаемся в ней так же, как в ежедневном общении со своей семьей и друзьями. Это все неизбежно, как дыхание и сама жизнь.

Но это значит также, что прежде всяких усилий по обновлению Церкви нужно снова и снова пытаться осознать масштабы подобной миссии и осмыслить ее исторические пути.

Нижеследующие заметки — одна из таких попыток. Их вряд ли можно назвать даже кратким очерком. Это лишь несколько связанных общим взглядом мыслей, не претендующих на полноту и полные личных оценок. Кроме того, мы находимся внутри исторического процесса, и потому — не в силах осмыслить его целиком. А значит, и не вправе делать какие бы то ни было конечные выводы, тем более — судить. Все, что нам остается, — снова и снова прояснять основания, причины и следствия происходящих с нами событий (в течение последних, скажем, двух тысяч лет) с тем, чтобы понять, где мы находимся ныне.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Конец эпохи

Глава первая. Невеста

1. Метод

Александр Пушкин заметил как-то, что каждого художника следует судить по тем законам, которые он сам для себя ставит. Думаю, мы вправе применить этот принцип и к Церкви — Софии-Премудрости, художнице мира. Чем (или, вернее, кем) осознает себя сама Церковь? Телом Христовым, Невестой Христовой, мистической основой мира, его духовным сердцем, для которого нет границ ни на небе, ни на земле. Вся вселенная призвана войти в Церковь, вся тварь — стать причастником Божьего бытия. Брошенная в самый эпицентр хаоса и распада, Церковь призвана преображать падший мир и вести его к спасению. Таковы мистическое самосознание и историческая миссия Церкви.

Конечно, то, что каждая тварь призвана, еще не значит, что каждая ответит на этот призыв. Понятно, что и мистический, и исторический аспекты природы и бытия Церкви вступают в противоречие с земной реальностью — ограниченной, темной, разделенной, тонущей в самолюбии и вражде. Как и то, что сама Церковь состоит из людей земных, ограниченных, лишь в той

или иной степени причастных ее безначальному свету. Во многом в силу этого существование Церкви предельно парадоксально. Церковь существует одновременно и в истории, и в вечности, она есть и вечный мир, и нескончаемая война. Подчас трудно бывает отличить Церковь от ее inferнальной тени. И единственным гарантом того, что врата ада не одолеют ее и ее историческая миссия будет исполнена, остается ее вечный стержень — сам распятый в земной реальности Бог, единственное непреходящее «небо на земле».

Земная судьба Церкви предельно трагична. Бог явился на землю в образе раба. Принятие одного этого факта (*для иудея соблазн, для эллина безумие*) требует действительного переворота сознания. Как и принятие многих других парадоксов христианства: любите врагов, благословляйте проклинаящих, отдавайте отнимающему... Станьте последним, чтобы быть первым, станьте кротким, чтобы завоевать мир... Плачьте, чтобы рассмеяться, терзайтесь вечной жаждой, чтобы насытиться, потеряйте свою жизнь, если хотите обрести ее. Христианство стало самой радикальной переоценкой ценностей в истории человечества. Не удивительно, что каждый из этапов усвоения его истин усеян костями человеческих ошибок и крушений.

Историю новозаветной Церкви можно условно разделить на три этапа: первоначальный этап свободной (внутренне еще ясной и цельной), но преследуемой и гонимой извне Церкви. Второй этап Церкви государственной, внешне торжествующей, но внутренне чреватой уже слишком многими проблемами. Наконец, третий этап утраты земного могущества и всеобъемлющего кризиса, в который Церковь вступает со времен Великой французской революции. Этот всеобъемлющий кризис (разразившись со всей силой в XX веке) подходит к какому-то новому решающему моменту в наше время.

Если в XX веке трещали стены Церкви, то сегодня в самой ее природе свершаются какие-то мощные процессы. Эти процессы очень трудно уловить, выразить в определенных формулах, тем более осмыслить и оценить. Однако интуитивно чувствуем, что метаморфозы, которые претерпевает сегодня христианство (размывание церковных институтов на Западе или какая-то новая их перестройка в России), являются столь же бурными и стремительными, как и во времена Константина. Не случайно говорят сегодня о кризисе всей «Константиновской парадигмы» Церкви.

Конечно, кризис (по-гречески — *суд*) Церкви — состояние перманентное. Он не прекращался, в сущности, с самого основания Церкви. И даже самые ясные и цельные, казалось бы, времена первохристиан при ближайшем рассмотрении могут показаться временем нескончаемых смут и метаний. И все же, хотя все элементы бытия присутствуют разом во всяком месте во всякий момент времени, каждый выходит на сцену в свое время. Наше время, отличное и от времени первохристиан, и от времени триумфальной Церкви, имеет сказать нам что-то свое. И все-таки не нечто, совершенно

отличное от других, не нечто совершенно новое. Пространство, в котором существует Церковь, — это тот сжатый до предела исторический миг, известный как история Страстей Господних. Этот миг *перетекания времени в вечность* и есть то ядро истории, вокруг которого обращается и к которому стремится в своем экстремуме любое время (не исключая и нашего) и к которому должен быть обращен взгляд историка Церкви, каким бы конкретным вопросом он ни был занят.

Такое понимание Церкви и такой взгляд на ее историю станут основой нашего метода. Главной же темой нашего исследования будут, по необходимости, отношения Церкви и государства.

2. Личность как откровение христианства

Христос приходит в конкретное время, в конкретном месте. Его имя вписано в перепись граждан Римской империи, Его проповедь обращена прежде всего к «погибающим овцам дома Израилева». Однако вряд ли потребует доказательств утверждение, что проповедь Его обращается не к гражданам государства, адептам религии или народу с его родовым законом, а непосредственно и прежде всего к глубине сердца каждого человека (минуя всякие внешние условности — государственные, религиозные, этнические). И, кажется, именно здесь главный конфликт Христа с римской властью и националистическим духом религиозных вождей еврейства. Впрочем, после слов «царство Мое не от мира сего» конфликт с Римом оказывается исчерпан. Рим уважает человеческую свободу, требуя лишь лояльности. «Что есть истина?» — вот последнее слово государства перед лицом высшей Истины, на которую оно вовсе не претендует.

С национально-религиозным духом иудаизма дело оказывается сложнее. Иудаизм претендует на истину (имея на это, с точки зрения Церкви, все основания). Иудаизм — религия «избранного народа», ощущающего себя мировым священством, существующим ради воплощения Мессии и его «тысячелетнего царства», в котором «избранный народ» должен занять главенствующее место. Но вот Мессия приходит и... упраздняет всякие национальные упования избранного народа. Говорит о царстве «инога века», дверь в которое открывает «и иудею, и эллину». Ибо всякий человек потенциально — священник («вы — боги»), и всякое место может быть свято (*не на горе сей, и не в Иерусалиме... но* (на всяком месте) *в духе и истине*). В свете Христа вся жесткая система иудаизма с его привязками к нации, храму, Закону, земле, вся толща еврейского национализма — религиозного и расового — оказывается разрушена. Все стены, возводимые природой между человеческим сердцем и Богом: род, власть, религия — взорваны. И в этом перевороте христианства (преодолении самоутверждающейся самости) рождается бессмертная *личность* — новый человек, новый Адам. Всякий человек перед Христом — не мужчина, не женщина, не гражданин государства или правоверный адепт религии, но прежде всего — потенциальный гражд-

данин небесного Царства. (В сущности, все Евангелие есть последовательность встреч Христа с людьми — каждым человеком *лично*.) Христос приходит спасать не государство, нацию, религию, а человека. И именно человека утверждает в центре Нового мира.

Это нечто совершенно новое для античного мира, знающего человека как важную, может быть, даже самую важную — но, все же, лишь часть космоса. Человек — элемент полиса для грека, гражданин государства для римлянина, клетка единого религиозного организма для иудея, но идея *личности* античному миру не введена. Ему известна лишь человеческая *индивидуальность* — часть целого. Личность — нечто совершенно иное. Личность и есть целое. Один человек (потерянная драхма) дороже целого мира. *Личность* оказывается наиважнейшей, единственно существенной реальностью, утвержденной в центре космоса, а в личности Богочеловека преодолевающей и самые границы тварного.

Как ново явление *личности*, так новы и законы, которыми личность живет. Личность находит основание своего бытия не в себе самой (как индивидуальность), а в *другом*. Живет не самоутверждаясь, но расточая себя в других. Это и есть новый закон жизни, закон небесного Царства. Церковь — это союз свободных личностей, граждан небесного Царства, живущих любовью друг к другу и таким образом обретающих нерушимое единство, подобное единству Троицы. Все иные общности — род, племя, государство или религиозное объединение — оказываются противоположны ей — новой общности, начатку небесного Царства на земле. Церковь стоит против целого мира так же, как Христос стоит перед судом римской власти и религиозного закона.

Как же случится, что всего через пять веков на месте этой новой небесной реальности образуется прочный монолит государства, народа и религиозного закона (подобный тому, который мы видим в иудаизме) империи Юстиниана? Как происходит это превращение?

3. От граждан Неба к гражданам империи

Канва событий вкратце такова. Первые христианские апостолы и проповедники идут из Иерусалима по римским дорогам, проповедуя в синагогах. Имея там мало успеха, они создают свои параллельные общины, которые, хотя и сохраняют много черт традиционных иудейских (так, что власти Рима долго не могут различить их), уже принципиально иные, и сами остро ощущают свое отличие. Их встречи-вечеры, по-видимому, мало походят на языческие приношения богам или традиционные иудейские упражнения в Законе. Связывает их ощущение чего-то действительно нового, с ними вместе вошедшего в мир, ощущение общей тайны, опасности и любви (*Христос посреди нас*). Скорее, они похожи на встречи друзей-заговорщиков, братьев по духу: «*все было общее, никто ничего не называл своим*», «*все вы братья... Большой из вас да будет вам слуга*», «*вы сами храмы живущего в вас духа*»...

И долгое время христиане действительно не строили храмов и не имели культа в обычном смысле. (Не случайно первыми обвинениями против них были обвинения в атеизме.) Конечно, и идеализировать первых христиан не стоит. Это были обычные люди (*незнатное мира*) с обычными человеческими страстями. Единственными их отличиями от традиционного обывателя, скованного удушливым официозом имперского Рима, были, возможно, лишь живая жажда веры да готовность сделать шаг навстречу новому. Этим римских пассионариев и находила новая вера. А в экзистенциальном накале ожидания Второго Пришествия и атмосфере постоянной опасности обычные человеческие страсти, вероятно, легко сгорали.

Но уже в следующем поколении христиан эсхатологическое напряженное неизбежно ослабло, христиане начали обживатьсь на земле. В начале II века стали появляться храмы и разветвленная иерархия. И к началу IV века Церковь представляла собой уже сложную, связанную многоступенчатой иерархией систему, объединяющую множество людей. Именно обнаружение этого «государства в государстве» вызвало самые крупные гонения императора Диоклетиана, оказавшиеся также и последними. Гений Константина сумел распознать в этой параллельной государству структуре огромный потенциал и, поменяв минус на плюс, обратить ее на пользу империи.

После знаменитого Миланского эдикта 313 года, который вывел Церковь из подполья, Константин взял курс на сближение церковных и государственных институтов: освободил клир от налогов (319 г.), ввел епископские суды, создал условия для накопления церковной собственности и т. д. (*архидерей, экзархат, епархия* — все это слова имперского лексикона).

Действия Константина не оставляют сомнений в намерениях императора, который сделал ставку на христианство, увидев в нем будущую ведущую религию своей империи. По-видимому, в христианстве Константина прежде всего привлекли дух примирения и единства (*ни чудей, ни эллина*), лежащие в центре учения. Константин — человек, несомненно, мистически настроенный и склонный к видениям, но прежде всего он император. И как император более всего обеспокоен вопросами мира и единства своей обширной и мультикультурной империи, переживающей, как бы мы сейчас сказали, кризис идентичности.

А что же Церковь? Кажется, еще совсем недавно христиане говорили о себе как «гражданах неба», для которых «любое отечество чужбина и любая чужбина — отечество». Но всего через год после выхода миланского эдикта епископский собор в Арле (314 г.) предаст анафеме всех братьев, уклоняющихся от службы в имперской армии. Несомненно, уже в этот момент Церковь внутренне осознала себя имперской. Так граждане Неба в одно мгновение сделались гражданами империи.

Как и почему изменилось самосознание Церкви? Отчасти мы уже ответили на этот вопрос. С уменьшением интенсивности эсхатологических ожиданий христианство начинало возвращаться к привычным формам

религии, из чрева которой вышло. Во времена гонений императора Декия (250 – 251), когда случились массовые отступления, вызвавшие первый серьезный кризис Церкви, христиане смогли отчетливо осознать свою слабость, и даже среди самых стойких не могло не возникнуть желания мира и безопасности «для малых сих». Но это еще далеко не полный ответ.

И на этом стоит остановиться подробнее.

Глава вторая. Мать и мачеха

1. «Ось мировой истории»

Христианская Церковь — дочь ветхозаветной. Вся ее традиция растет из еврейских корней, берет начало в еврейской традиции. И если мы говорим об истории Церкви как «истории Истины», то действительно должны признать еврейство (по слову Бердяева) «*осью мировой истории*»¹.

Иудейская и христианская традиция сходятся в осмыслении начал истории. С момента, когда Бог избирает Авраама, обещая произвести от него бесчисленный народ, обещая благословить в нем *все племена земные*, начинается важнейший этап Божьего домостроительства. Бог отсекает избранный народ от иных народов стеной Закона и устремляет его к единой цели. С этого момента мир обретает как бы некий духовный полюс. А в момент рождения новозаветной Церкви снова меняет свои полюса (*се, остается дом ваш пуст*). Обетования, данные Аврааму (*и всю землю, которую видишь, дам тебе и благословятся в тебе все племена земные*), христиане относят к себе. Однако «духовная поляризация» мира не упраздняется. Наоборот, только сейчас она, наконец, и является во всей своей ясности и бескомпромиссности (даже ярости). Еврейство как мессианский народ со всем своим богоизбранничеством и после явления Христа не перестает оставаться осью мировой истории. Но продолжая страстно ожидать Мессию, оставаясь народом историческим по существу, играет в судьбах мира (и деле Божьего домостроительства) особую и во многом таинственную роль.

И именно напряжение между христианством и еврейством (а впоследствии и исламом) создает движение, ток мировой истории вплоть до

¹ «В мессианском сознании еврейского народа была заложена двойственность, которая и была источником роковой судьбы еврейства, потому что здесь было истинное ожидание Мессии, Сына Божия, который в еврейском народе должен был явиться, и ожидание ложного Мессии, противоположного Христу. Эта двойственность мессианского сознания привела к тому, что еврейский народ не узнал Мессию, за исключением избранной своей части в лице апостолов и немногих первохристиан. Народ не узнал Мессии в Христе, отверг Его и распял. Это — центральный факт во всемирной истории, к которому всемирная история шла, из которого она исходит и который делает еврейство как бы осью всемирной истории» (Бердяев Н. Смысл истории).

самого последнего времени. «Еврейский вопрос», как замечал Бердяев, действительно оказывается главным сюжетом и ведущей темой исторической драмы. Очевидно, что без пристального внимания к этому сюжету и главной теме истории нам не понять бытия Церкви в мире как «истории Истины».

2. Иудеи против христиан

В 132 – 135 годах в Палестине вспыхивает мощное еврейское восстание против римского владычества. Самый популярный в то время религиозный лидер евреев рабби Акива (которого назовут впоследствии отцом талмудического иудаизма) провозгласит руководителя восстания Мессией, дав ему имя Бар-Кохбы (Сын Звезды). Восстание будет жестоко подавлено, Иерусалим переименован в Элию Капитолину, иерусалимский храм обращен в святилище Зевса и императора Адриана, еврейское население изгнано. Надежды евреев на создание своего государства будут похоронены вплоть до XX века, а отношения с Римской империей и христианами (проклятыми за то, что не поддержали восстания) окончательно испорчены. Спустя два века христианство завоеует Римскую империю и мир прочно встанет на рельсы, по которым его история будет развиваться вплоть до самого последнего времени.

Но давайте не побоимся сделать допущение (выходящее за рамки как христианской, так и еврейской ортодоксии), предположив, что иудеи приняли своим Мессией не Бар-Кохбу, а Иешуа Га-Ноцри. Можно ли представить себе в таком случае, как христианство мгновенно распространяется по всем иудейским общинам рассеяния? Как, исполняя свою миссию народа-священника, иудеи разносят свет Откровения по всей вселенной и с этой «духовной электрификации» начинается мирный процесс обращения, изменения, преображения мира? И так исполняются пророчества и мечты иудеев о мессианском веке, о Мессии-царе, несущем миру мир, свет и освобождение?..

Однако случилось иное. Мессия был распят, а его ученики, изгоняемые из синагог, обратились в изгоев, преследуемые властью, обывателями и более всего самими своими бывшими собратьями. Очевидно, и первые гонения на христиан при Нероне были организованы по доносу иудеев. С этого времени тысячи доносов иудеев на христиан начинают наводнять имперскую канцелярию. Римских иудеев, впрочем, можно понять. Иудейство имело в империи статус дозволенной религии (*religio licita*). Среди привилегий, которые давал иудеям их статус, была одна, которой они особенно дорожили. Они были единственными, кому позволялось не приносить жертвы римскому императору. Понятно, что, не желая подвергать опасности столь трудно установленное равновесие между предписаниями Закона и империи, иудеи старались всячески дистанцироваться от неуправляемых ренегатов-христиан (тем более что для внешнего взгляда

те и другие долгое время были неразличимы), прилагая все силы к тому, чтобы христианство было признано *religio illicita* («недозволенной религией»). Со своей стороны христиане, вынуждаемые постоянно обороняться и оправдываться перед римской властью, встали перед необходимостью объяснить разницу между ними и иудеями, принявшись составлять первые антииудейские сочинения.

3. Империя против иудеев

От отношений евреев и христиан перейдем к отношениям евреев и Римской империи. Если евреи были народом преимущественно и страстно историческим (поскольку только их ждало впереди событие, исполняющее историю), то во многом историческим народом можно назвать также и римлян, чьей целью и миссией стала Империя.

Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
Дам им вечную власть...
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных, —

писал римский поэт Вергилий (единственный, по замечанию Т. Элиота, для кого *«среди всех поэтов классической древности... мир построен разумно, обладает порядком, достоинством и для кого, кроме древнееврейских пророков... история имеет смысл»*).

Действительно, прямые аналогии словам «Энеиды» мы находим лишь в еврейских пророчествах о Мессии, которые становятся важнейшей частью еврейского предания как минимум со времени построения первого храма Соломона. Евреи также верят в свою миссию «народа-священника» и своего царя-Мессию, который должен воцариться над народами, неся им мир и благоденствие, являя милость покорным и смиряя войной непокорных: *«Скажут мессии-властителю: “Такое-то государство взбунтовалось против тебя”, а он скажет: “Да погубит его наше шествие саранчи”. Скажут ему: “Такая-то область не подчиняется тебе”. А он скажет: “Нашествие диких зверей да истребит ее”»,* — так о грядущем царстве Мессии говорится в книге Агады (еврейских сказаний и комментариев к библейским текстам). Это все та же римская мечта, римский идеал. И при этом — прямая конкуренция!

Но между римской и иудейской идеями есть и принципиальные различия. Об этом знаменитый в конце XIX века проф. Ф. Ф. Зелинский изящно и точно писал: *«Иудея свое племенное божество объявила высшим; Рим напротив, свою судьбу поручил высшему из италийских богов»* (т. е. идее справедливости). *«Говоря “наш племенной бог есть высший бог”, народ-избранник говорил: “наше торжество несомненно”; говоря “наш бог есть справедливый бог”, он говорил: “наше торжество будет торжеством правды”*. В этих двух

верованиях залог бессмертия; и в самом деле, идею вечности воплотили два образа в истории человечества: на западе — Вечный Рим, на востоке — Вечный Жид». Отсюда, далее, и разница в духе: «Бог Израиля — ревнивый бог... ворота Рима гостеприимно открыты для богов-покровителей общин, граждане которых нашли приют в его стенах»... «Последствием побед Рима были союзы с покоренными общинами и их принятие в состав римского государства, последствием побед Израиля было бы уничтожение или порабощение побежденных, если бы эти победы состоялись. Но к счастью для человечества, залогом бессмертия, дарованные его гением обоим бессмертным народам, были различны: Риму — беспредельная власть, Израилю — несокрушимость страдания»².

Принципиальная разница между римским и еврейским духом очевидна. Индивидуализм, справедливость, честность, прямота, благородство, открытая дружба, — все эти святые для римлянина вещи для еврея — абстракция. Смысл для последнего имеет лишь слово Бога, обращенное лично к нему. Добро — это то, чего хочет Иегова, зло — то, что стоит на Его пути. И если Иегова требует, например, вырезать без остатка всех «Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев», то исполнение Его воли и станет абсолютным добром, не требуя никаких дополнительных мотиваций (правда, Иегова объясняет: «дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили пред Господом Богом вашим»³).

Такова божественная иррациональная логика веры!

Римлянину, чтобы оправдать уничтожение (геноцид) тех же карфагенян, «воли богов» будет явно недостаточно и потребуются апелляция к человеческому чувству справедливости. Карфагеняне приносят в жертву детей! — это действительно жутко и омерзительно, — и вот, прежде всего, почему «Карфаген должен быть разрушен».

Понятно, с каким негодованием смотрел римлянин и на еврея с его изворотливой моралью и несокрушимой верой в силу своего племенного бога и принципиальным отрицанием всех святых для римлянина вещей. Рациональное добро Рима увидело в еврее квинтэссенцию всего иррационального и значит — доводил римлянин до конца — квинтэссенцию зла.

Не возьмемся утверждать, что именно политическая и мессианская конкуренция послужила главной причиной римского антисемитизма. Последний стал скорее естественной реакцией на замкнутость и самоотчуждение еврейства (иными словами, прямым результатом той богоизбранности, которая в самом начале пути Израиля отделила его от прочих народов). Так, изучая причины античного антисемитизма в книге «Антисемитизм в древ-

² Зелинский Ф. Соперники христианства. М., 1896. С. 30–31.

³ «А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляя в живых ни одной души, но предай их заклятию: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь Бог твой» (Втор 20:16–18).

нем мире», С. Я. Лурье приходит к выводу, что последний *«не только не был менее интенсивен, чем в наше время, но и выражался в таких же формах, как и теперь. Нет ни одного обвинения, бросаемого ныне евреям, которое не предъ- являлось бы им уже в древности. Более того, самое развитие отношений между евреями и не евреями — терпимость и ассимиляция, антисемитизм и парти- куляризм — в древности происходило в таких же формах, как и ныне»*⁴. Даже христианство не внесло сюда ничего принципиально нового, лишь доведя эти обвинения до последних духовных столбов.

И все же суть обвинений, предъявляемых римлянами еврейству (дву- личная мораль — одна для своих, другая для внешних, инакомыслие, антигосударственные устремления, жажда власти над миром), убеждает, что интуиция римлян безошибочно увидела в еврейском мессианизме своего конкурента. И дело не только в финансовых возможностях евреев, но и в силе их веры. Вся легитимность власти Рима над миром держалась на уверенности в универсальной справедливости римской государственности и божественном культе императоров (сомнительном и для них самих). В центре стремлений евреев лежали обетования Бога (*и всю землю, которую видишь, дам тебе во владение*) и страстная мечта о Мессии-царе. И если

⁴ С. Лурье приводит огромное количество высказываний античных авторов о еврействе, наглядно рисующих отношения двух миров. Так, Сенека называет евреев «преступнейшим племенем». Для Ювенала несомненно, что еврейская вера учит не считаться с государственным законом и причинять всякое зло иноверцам. Тацит обвиняет евреев в беззастенчивости и человеконенавистничестве: *«В отношениях друг с другом они отличаются ненарушимой верностью слову и живейшим милосердием. Но ко всем другим людям они пылают враждой и ненавистью»*. О *«чуждом человечности и враждебном к иностранцам образе жизни евреев»* пишет и в целом не настроенный антисемитски Гекатей Абдерский (III в.). Страбон воздавая должное простоте и возвышенности еврейского религиозного культа, в то же время называет евреев «разбойниками», которые успели проникнуть «во все государства», так что *«нелегко найти такое место во всей вселенной, которое это племя не заняло бы и не подчинило бы своей власти»*. Друг и учитель Цицерона Посидоний Апамейский говорит о евреях как народе, считающим своими врагами все человечество, и выдвигает обвинение в «мировом владычестве». Цицерон в речи «В защиту Флаака» восклицает с аффектированным ужасом: *«Ты знаешь, как сильна эта шайка, какая между ними солидарность, каково их влияние в народных собраниях. Я буду говорить поэтому вполголоса, чтобы меня слышали только судьи»*. Сенека придает обвинению во всемогуществе «мирового кагала» его классическую формулу: *«Victi victoribus leges dederunt»* — *«побежденные диктуют законы победителям»*. Цитируя выводы Вилькена, С. Лурье заключает: *«Если вспомнить ту широчайшую терпимость, с какою относились греки эллинистической эпохи ко всем народам, исключая одних только евреев, то придется искать причины в том, что свойственно одним только евреям. Это их религия и вытекающий отсюда резкий партикуляризм и презрение к иноверцам»*... *«Враждебность греко-римского мира прежде всего вызывала та непроходимая стена, которую еврей воздвигал между собой и другими людьми»* (Лурье С. Антисемитизм в древнем мире).

римлянин с негодованием смотрел на еврея как несносного гордеца и человеконенавистника, то и еврей, в свою очередь, смотрел на «племя носящих тогу» как на «царство надменных», которое будет непременно наказано Иеговой за свою гордыню. Еврей твердо знал, что все его вековые унижения в конце концов будут оправданы и победа останется за ним. И с этим нельзя было ничего поделать. В глазах римлянина темнело, когда он смотрел на еврея, самым своим существованием отрицавшего все святые для него вещи, но этот метафизический орешек был ему не по зубам. Ненавидеть еврея ему было тем проще, что лицом к римлянину был обращен только негативный полюс еврейства, действительная же удивительная культура Израиля (с его чудесной метафизикой и огненными пророками) была скрыта за стеной Закона, которым Бог отгородил Израиль от прочих народов.

Противостояние римского и еврейского духа было, по сути, противостоянием между двумя нравственными концепциями — добром человеческим, рациональным и добром метафизическим, сверхрациональным. И этот выбор был, как видим, совсем не прост (было бы иначе, он давно бы был разрешен). Вера еврея была крайне двусмысленной, но живой и конкретной. Вера римлянина — простой и абстрактной, но... и двусмысленной не меньше. Все те прекрасные вещи, которые защищал римлянин, были реальны, но... лишь для меньшинства. Тogu не надеть без посторонней (т. е. рабской) помощи, как точно замечает С. Аверинцев. И по сей день благосостояние европейских демократий держится во многом за счет природных и человеческих ресурсов окружающих Запад традиционных восточных обществ.

4. Встреча Церкви и империи

В этот неразрешимый духовный конфликт христианство внесло новую струю. Идеи личности и Церкви (*ни иудея, ни эллина*), которые несло христианство, превосходили и иудейскую метафизику рода, и римский индивидуализм (*для иудея соблазн, для эллина безумие*). При этом, конечно, христианство имело гораздо более общих черт с римским духом, нежели еврейство. Пусть на первый взгляд оно было столь же космополитичным и антигосударственным, как иудаизм, зато в нем ярко были выражены импонирующие римлянину достоинство личности и универсализм. С гораздо большим правом, чем иудаизм, христианство могло претендовать на роль мировой религии. И рано или поздно взгляды христиан и кесаря должны были встретиться. Так и случилось. Христиане увидели в кесаре защитника от своего вечного преследователя-иудея. Империи же тем легче было понять христиан, чем более велик был ее собственный страх перед еврейством.

Во всей истории обращения империи к христианству есть, несомненно, некий таинственный Божий промысел (в исполнении которого избранный

народ играет ключевую, как всегда, роль). Исходя из человеческой логики, Риму (а следовательно, и миру в целом) следовало бы стать скорее митраистским. Иранский культ воинственного бога Митры был очень популярен в империи, особенно среди легионеров, и гораздо более соответствовал ее воинственному и стоическому духу. Не менее серьезными конкурентами христианству были культ египетской Изиды или греческий неоплатонизм. Однако мир стал христианским. И заслуга в этом иудаизма, возможно, гораздо больше, чем подозревают многие христиане и иудеи.

Размышляя над возможностями иных путей христианства, мы должны задать себе и такой вопрос: могло ли христианство выжить, не вступая в связь с империей, но оставаясь лишь терпимым, подобно синагоге? Ответить на этот вопрос следовало бы так: это было бы возможно только в случае *терпимых отношений между иудеями и христианами*. А такие отношения были бы возможны только в случае не менее толерантных отношений иудеев с империей. Этот замкнутый (или, если угодно, порочный) круг упирается в факт распятия Мессии, который его и запускает. Все дальнейшее — только вывод: единственность истины, невозможность служить двум господам и «любовный треугольник» с неизбежной развязкой. И здесь снова самым точным словом станет, пожалуй, слово *Промысел*. Своими непрерывными жалящими, словно овод, преследованиями иудеи сами гнали христиан в объятия империи. А когда империя раскрыла христианам свои объятия, христиане обернулись и отплатили своим преследователям со всей силой и сладостью мести.

Но каким бы ни оказался этот мир по своим делам, значение его христианизации невозможно ни оспорить, ни им пренебречь. Никакие сегодняшние идеи всеединства и милосердия были бы просто невозможны без христианской идеи *личности* и христианского универсализма. Более того, едва ли античному миру вообще удалось бы пережить свой духовный кризис вне христианства. Так, лучшая из античных философий — *платонизм* — представляет собой побег с земли в царство чистого духа (Плотин, как известно, стыдился собственного тела). *Митраизм* (или позднейшее манихейство) есть чистейший дуализм с неизбежным из него выводом — беспощадной, нескончаемой войной. Вряд ли на таком фундаменте можно было построить сколько-нибудь устойчивую цивилизацию. Скорее всего, вне христианства античный мир ждал предсказанный кумской Сивиллой апокалипсис. Христианство переродило античный мир и спасло его. Возможно ли это было без Константина? Вероятно (во всяком случае, исходя из земной логики), на этот вопрос нужно дать отрицательный ответ.

Но правда, конечно, и то, что связь с государством стала причиной порчи христианства, снижения всех его идеалов и перспектив. А в конце концов — и причиной отказа мира от христианства и того печального парадокса, что привнесенные христианством идеалы свободы и личности мир попытался реализовать вне христианства. И, конечно, потерпел на своих путях новое плачевное поражение.

5. Империя становится христианской

Но если связь с империей и была неизбежна, разве не могло христианство повлиять на империю в духе ее гуманизации? Благо «республиканские» добродетели Рима еще не были прочно забыты и эдикт Константина о веротерпимости имел немалый потенциал. Почему же стоило Церкви обрести силу, как она сама азартно включилась в строительство христианской империи, а империя принялась стремительно обретать черты типичной восточной деспотии?

Хотя возможности некоторой гуманизации империи у Церкви, вероятно, и были, вряд ли стоит их преувеличивать. Тем более обвинять само христианство в его «тоталитарном влиянии» на империю. Империя полным ходом шла к «тоталитарному» способу правления и без всякой помощи христианства. Еще Диоклетиан заимствовал в Персидской державе Сасанидов царскую диадему и институт политических евнухов, ввел персидский обычай падать ниц перед императором и целовать подол его платья. Константин укрепил крестьян-колонов, подготавливая византийский государственный строй. Сам дух римского кесаризма неизбежно вел в сторону платоновского Государства. Авторитарной «вертикали» требовал сам римский гений, ведший Рим к власти над миром. Демократия — детище полиса, республика была прекрасна для небольшого римского государства, но тотальная власть требовала единства и единоначалия во всем. И именно здесь пришлось ко двору христианство с его пафосом абсолютной истины. Гений Константина безошибочно угадал в христианстве тот бриллиант, которого недоставало короне кесаря, — сияние универсальной истины. Христианство естественным образом увенчало пирамиду римского этатизма.

Обвинять христиан можно лишь в том, что, подгоняемые жалящими укусами иудеев, они не просто с благодарностью бросились под защиту кесаря, но с готовностью проследовали за ним и во внутренности дворца, в его святая святых. А не устояв перед сиянием царского венца, искушением власти, они не устояли также и перед искушением расквитаться с обидчиками. И бывшие их преследователи скоро почувствовали на себе силу закона Моисея: *око за око, зуб за зуб*. Градус антииудейской полемики будет неуклонно расти от Иустина и Тертуллиана до бл. Августина, Василия Великого и Иоанна Златоуста, а правовые санкции империи против евреев все более нарастать от Константина до Юстиниана⁵.

⁵ Все же подчеркнем, что в отличие от иудаизма, преследующего христиан прежде всего в лице своих первосвященников и «князей нации», возбуждающих ненависть к отступникам в народе (начиная с подговоренного первосвященниками иерусалимского плебса и криков «Распи!»), история преследования христианами иудеев есть, главным образом, история народной страсти, которой Церковь в лице высшей иерархии всегда старалась положить предел. Также и антииудейские законы Константина и последующих христианских императоров едва ли имели чисто антисемитский характер. Чаще всего они несли в себе совершенно конкретный

Так свершится этот странный парадокс: мир станет христианским, но над новозаветным законом Христа восторжествует закон Моисея. А вместо терпимости и гуманизма античного Рима христианская Византия окажется насквозь проникнута духом иудейского законничества (оставаясь внешне при этом вполне антисемитской).

6. От Второго Пришествия к Тысячелетнему Царству

Всего этого достаточно, чтобы объяснить, как Церковь оказалась в объятиях империи, но еще не достаточно, чтобы понять, как совесть ее могла оставаться спокойной в отношении этой связи в течение почти двух тысячелетий. Для этого мало эмоций страха и мести, но необходимо сияние положительной идеи. Такой идеей для Церкви и стала империя.

Чтобы понять, какое место занимает империя в самосознании европейца, нужно читать Вергилия, *«лучшего римского философа»* (Т. Элиот) и *«отца Запада»* (Теодор Геккер). Империя была высшим идеалом римлянина, таким она остается во многом и для его потомков: *«Все мы, коль скоро мы унаследовали европейскую цивилизацию, все еще являемся гражданами Римской империи, и время так до сих пор и не опровергло слов Вергилия “Я же могуцеству их не кладу ни предела, ни срока, Дам им вечную власть...”»*, — заключает Элиот. Судьба, справедливость, долг, — все эти важнейшие для римлянина вещи сложили его высший смысл и сошлись в империи. (Заметим здесь же, что к любви и философии римлянин относился снисходительно, как вещам, позволительным для юноши, но не для взрослого человека. Сам вергилиевский Эней, прародитель римлян, между любовью к Дидоне и долгом выбирает второе, с почти христианским смирением отправляясь туда, куда зовут его боги — то есть к основанию империи.) Поняв все это, нам будет проще понять и римскую Церковь в момент, когда она радостно выходит навстречу императору и когда образы императора, Христа, Церкви и империи входят в сознании римлянина в некий резонанс.

Если империя для римлянина — идеал, то Церковь — исполнение этого идеала. *«Священная римская империя — материальное тело Града Небесного»*, — говорит бл. Августин (слово *империи* можно перевести ведь и как *власть Всевышнего*). И поскольку имперский мессианизм — призвание Рима, то и важнейшим апостолом римского христианства становится император (равноапостольный Константин, принимающий христианство лишь перед смертью). И сама империя становится христианской, *«не пройдя через крещальный кризис»* (как пишет прот. А. Шмеман).

рациональный смысл. Закон Константина предписывал освобождение всех рабов, которых евреи станут склонять к иудаизму и обрезанию, запрет евреям покупать рабов из христиан и т. д. Кроме того, предпринимались меры для защиты самих евреев, перешедших в христианство, которых иудейские законы предписывали побивать камнями.

А теперь мы снова должны обернуться к «мати-и-мачехе» Церкви — иудаизму. И заметить, что, вероятно, именно ему (точнее, иудейскому хилиазму, идее мессианского века) обязана Церковь и последним, самым таинственным и роковым, быть может, даром. Первый историк Церкви Евсевий Кесарийский пишет, как участники Никейского собора, только что стойко перенесшие гонения Диоклетиана, при виде почестей, которые воздавал им император, размышляли в себе: *«не наступило ли уже Тысячелетнее Царство, обещанное Иоанном?»* Так вот чем были полны мысли епископов в момент свершения союза Церкви и государства! Они мечтают о том, как империя станет христианской и распространит свет христианства по всему миру. Несомненно, это все та же заветная мечта еврейского мессианизма, начинающая разгораться, когда изначальное эсхатологическое ожидание Второго Пришествия Христа (первая любовь Церкви) все более гаснет.

7. Еврейство и христианство — два полюса «оси истории»

Во всем, о чем мы сейчас говорим, есть, несомненно, некая загадка. Или, лучше сказать, некая Божья притча. Американский писатель-протестант еврейского происхождения Эндрю Клейвен пишет: *«Я склонен верить в то, что, когда Бог сделал евреев избранным народом, он выбрал их для того, чтобы они служили своего рода “системой раннего обнаружения” безнравственности для всех остальных».* Что бы ни имел в виду под «системой раннего обнаружения» Эндрю Клейвен, метафизические основания этой загадки он, несомненно, нащупал. Последнее, конечно, не значит, что еврей есть образец нравственности. Дело в другом. Из всей целокупности человечества, из всех народов, *«одинаково уклонившихся, сделавшихся равно непотребными»*, Бог, выделив одну общность, одну семью, поставил ее против всех остальных. Среди прочих людей Авраама отличает лишь сила веры, которая и вменяется ему в праведность (то есть сила личности, а не природы). Но эта избранность создает новое радикальное напряжение в общем всечеловеческом организме. Это не значит, опять же, что избранный народ есть абсолют добра, а все остальные — абсолют зла. Это значит лишь то, что такое напряжение создано. Полюс избранности и полюс отвержения, между которыми начинают циркулировать энергии добра и зла. (Конечно, и до этого были и добро, и зло, но теперь полюса их актуализировались, проявились.)

Бог, подобно садовнику, огородил одну яблоню, из которой путем долгой селекции пожелал вывести необходимый для спасения человечества «райский сорт» — нового Адама. Однако природа избранного народа — все та же природа ветхого Адама, со всем присущим ему эгоизмом, нарциссизмом, самовлюбленностью. И, в сущности, избранный народ становится лишь образом, иконой, зеркалом прочих. Жестоковейность, бесконечные укло-

нения в идолопоклонство и страсть золотого тельца, убийства своих пророков и отвержение путей Бога — все это проявляется в Израиле не менее, а, скорее, даже более ярко (учитывая его особую священническую миссию, ведь где сильный ангел, там и сильный бес), чем в любом ином народе. Так что каждый, глядя в лик Израиля, знакомясь с его историей (историей великих пророков и великих же злодеяний), может увидеть в нем как свое зло, так и свое добро в максимальном раскрытии. В конечном счете, тот райский плод — цель божественной селекции — действительно вызрел на древе избранного народа. Но и природа падшего Адама одновременно достигла здесь своей кульминации. Итогом этой духовной драмы и стали события Страстей. Христа распинают страсти Адама, вечная жажда самообожествления, желание быть *«яко боги, знающие добро и зло»*.

В исторический момент явления и казни Мессии свершилось перекрестие путей добра и зла и земля как бы переменяла свои духовные полюса. И исполнивший свое предназначение и отвергнувший путь спасения избранный народ обнаружил себя на полюсе зла, в то время как народы, принявшие Мессию, обрели в своем сердце полюс добра. Произошел переворот, отчасти подобный тому, который произошел в момент избрания Авраама, а отчасти даже превосходящий его. Тогда мир обрел полюса, теперь полюса обрели лица. Тогда мир кристаллизовался, обретя свою духовную ось и явившись как духовная реальность, теперь сама духовная реальность обрела лик.

Но означает ли это отвержение «избранного народа» и безоговорочное принятие нового? Такой взгляд ничем не отличался бы от дуалистической концепции манихейства или самого еврейства. От опасности такого взгляда предостерегает ап. Павел. Да христианство и не приняло такой взгляд.

Итак, новая ситуация означала лишь начало нового этапа Божьего домостроительства. Одна из глубоких тайн которого, вероятно, в том, чтобы в момент Суда никто не посмел превознестись над прочими: *«Бог всех заключил в непослушание, чтобы помиловать всех»*... Эта «перемена полюсов» означала лишь новый акт исторической драмы. Теперь актеры, поменявшись ролями (игроки, обменявшись воротами), должны, оказавшись в шкуре другого, сыграть новую партию, впасть в те же искушения, в которых они обвиняли своих противников (и проверить: не повторят ли они те же грехи, в которых обвиняли их?).

И действительно, обратившись к истории христианства, мы увидим, как, преодолев и победив в личности своего божественного Основателя соблазны закона и власти (*царство Мое не от мира сего*), христианство последовательно возвратится сперва к религии (храмы, культ, сложная иерархия), а затем — под власть государства (имперская религия). Отнеся к себе обетования Авраама, христиане неизбежно должны были встать и перед соблазном идеи избранничества, перед которым не устояли иудеи. О том, как сами христиане прошли через эти соблазны, — в следующей главе.

Глава третья. Жена

1. Богу Богово, кесарю кесарево

Что есть государство? Где его начало в духовном пространстве (в котором только и существует Церковь)? Бог, как мы знаем, не творил государства, Бог насадил Сад. Государство возникает уже за стеной Сада, по ту сторону Божьего замысла о человеке. И если мы хотим увидеть первый образ государства в Библии, то, вероятно, обнаружим его в образе ангела с огненным мечом, заграждающего Адаму путь в рай.

Итак, государство — в большей степени человеческое изобретение, хотя, конечно, и у него, как у всякой мировой реальности, есть свой ангел, своя бессмертная идея. Этот ангел — справедливость, эта идея — идея порядка. Духовная функция государства — сдерживать человека от хаоса раздирающих его страстей, с одной стороны, и не пускать в закрытый от него небесный рай — с другой. Ветхий Завет скорее благожелателен к этой государственной «функции удерживающего», хотя дух пророков и непосредственного духовного Закона ставит гораздо выше.

Ветхий Завет устанавливает теократический идеал. Моисей, духовный вождь народа, прежде всего — Божий пророк. После Моисея избранным народом правят Судьи — прямые каналы воли Бога. Позднее, вследствие все большего развращения народа, переставшего слушать голос Бога, Творец позволяет ему выбрать себе царя «как у прочих народов». Царь — это уже опосредованная теократия (впрочем, и царь может оказаться пророком, как это видно в образе второго иудейского царя Давида).

Новый Завет не дает никаких оснований заподозрить Христа в стремлении к обладанию земной властью. Особенно красноречив момент искушения в пустыне, когда сатана предлагает Спасителю «все царства мира».

Пафос Евангелия — пафос отнюдь не государства (которое есть всегда ограничение), но духовной свободы: *«истина сделает вас свободными», «стойте в свободе... и не подвергайтесь опять игу рабства», «не можете служить двум господам»,* и наконец, совсем определенно: *«отдавайте Богу богово, кесарю кесарево»*⁶.

С другой стороны, Христос не отрицает и не осуждает государство, но принимает все земные установления до тех пор, пока они не покушаются на

⁶ В «Христианском социальном учении» кардинала Йозефа Хёффнера, в главе, посвященной Церкви и государству, относительно этих слов Христа говорится: *«Теократическое толкование государства противоречит Писанию. Из слова Господня: “отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу” (Мк 12:17) не следует ни пренебрежения к государству, которому “так и быть” можно дать, что оно требует, ни его теократического подчинения церковной иерархии. Вопрос фарисеев гласил: кто прав — греки-язычники, обожествляющие государство, или партия zelотов, отдающая государство на откуп храмовым священникам? Ясность ответа Христа отвергает обожествление государства и теократию и признает самобытность государства».*

душу человека и его свободное самоопределение (*все, что они говорят вам, делайте, по делам же их не поступайте*). Даже из известных слов ап. Павла о начальнике, который *«не напрасно носит меч»*, вовсе не следует необходимость сближения Церкви и государства. Наоборот, Христос отказывается стать земным царем. И в конце концов ведь именно высшая религиозная и государственная власть приговаривают Его к смерти.

Таким образом, можно сказать, что Новый Завет по вопросу о земной власти вступает в некоторое противоречие с Ветхим (что и естественно: Христос есть радикальное преодоление и преображение земной природы, в том числе и природы государства). Можно сказать также, что со времени Христа государство явно обнаруживает свою двусмысленность, посюсторонность и ограниченность. Христос вновь открывает человеку закрытые от него ранее врата рая. Отныне государство может до определенной степени помогать человеку, дисциплинируя его и утверждая в началах пути к Царству Небесному, но и становится стеной на дороге человека к этому Царству.

Итак, *«всякая власть от Бога»*, с одной стороны, и *«дам тебе все царства, если поклонишься мне»* — с другой, мы ощущаем правду обоих утверждений (Дух Божий ушел, дух от Бога (т. е. дьявол) пришел — как в истории царя Саула). Действительно, всякая власть промыслительна, с одной стороны, и всякая же власть греховна — с другой. Управляема Богом, с одной стороны, искушаема дьяволом — с другой. Отношения государства и Христа, возможно, идеально описывает пушкинское стихотворение про часовых у креста, из которого стоит, пожалуй, привести пару строф:

...Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим — поставлено на место жен святых
В ружье и кивере два грозных часовых...
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим...<...>
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
и, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

Таким образом, с точки зрения мистической (сакраментальной) природы Церкви, ее сближение с государством есть шаг в высшей степени неоднозначный. Однако в момент этого рокового шага не видно никакой рефлексии церковного сознания. Решая в это же самое время сверхсложные богословские задачи (догмат о Троице, христологические споры и т. д.), Церковь кажется совершенно спокойной в вопросе своих новых отношений с государством. Что позволил Гарнаку, одному из крупнейших некогда историков христианства, сказать о Церкви, что она, *«подобно невесте с богатым приданым, ожидала полубессознательно, но полная стремлений, царственного*

жениха». В IV веке церковный историк Евсевий, человек приближенный к власти и склонный к компромиссам, уже утверждает, что «христианская Римская империя есть земное отражение Царствия небесного». Блаженный Августин, осуждая языческие государства, говорит о христианской империи как о «земном теле Церкви». А Иоанн Златоуст, стремясь подчеркнуть духовное превосходство Церкви над государством, поучает: «Императору вверены тела, а церею — души». Однако судьба самого Златоуста (осужденного собором епископов и умершего в ссылке) самым печальным образом свидетельствует о настоящем положении дел в христианской империи.

2. Тело Христово и тело империи

Впрочем, отрезвление наступит довольно скоро. И когда в 355 году на Миланском соборе взбешенный бесконечными спорами епископов сын Константина император Констанций крикнет притихшим вдруг иерархам: «Моя воля — вот ваш канон!», всем станет ясно, что свободе Церкви пришел конец. К этому времени война епископских партий, борьба за первенство и придворные интриги станут естественным фоном церковной жизни. И дело не только в личных амбициях. Архиереи вынуждены плести интриги в борьбе за Истину (так, во всяком случае, они оправдывают себя) — и в этом вся суть новой реальности. Наказанием за новую реальность станет арианство, первая великая ересь, чуть не уничтожившая Церковь в IV–V веках и открывшая эпоху великих ересей, которые вплоть до X века будут лихорадить Восточную церковь. Все это — симптомы тяжелой внутренней болезни, главный диагноз которой — подчинение Церкви государству.

Наконец, случается неизбежное. Христианство остается единственной дозволенной официальной религией Империи (эдикт Феодосия Великого 380 года), а при императоре Юстиниане *священство и царство* уже мыслятся как душа и тело империи, необходимые «для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке» (Эпанагога). Но ведь свою сакраментальную природу сама Церковь сознает совершенно иначе! Она сама есть тело, которое сочетается Христу и глава которого есть Христос. В официальной же идеологии Византии Церковь фактически отказывается от своего тела, которое замещается телом империи⁷.

⁷ «Роковой характер юстиниановой теории состоит в том, что в ней вообще нет места Церкви. В имперском сознании Церковь слилась с миром... Государство мыслится как тело, живущее благодаря наличию в нем души — Церкви. Но... ранняя Церковь сама себя ощущает телом, живым организмом, новым народом, до конца несводимым ни к одному народу и ни к какому естественному обществу... Церковь открывает миру, что есть только две абсолютных, вечных и священных ценности: Бог и человек, все же остальное, в том числе и государство, во-первых, ограничено по самой своей природе, по принадлежности до конца только "миру сему", а во-вторых, является благом лишь в ту меру, в какую служит Божьему замыслу о человеке... Потому "просветление"

3. Брак

Но будем судить художника по тем законам, которые он сам для себя ставит. Попробуем осмыслить произошедшее в простой и ясной библейской системе координат (а также с точки зрения самих церковных установлений и канонов). То, что происходит между империей и Церковью в «симфонии», подобно тому, что происходит между мужем и женой в браке. Двое становятся «одна плоть», тело жены становится телом мужа (именно так понимает Церковь мистическую природу брака). И сама теория «симфонии» есть, по сути, свидетельство официального брака Церкви с империей. Итак, Церковь, невеста Христова, окончательно поселившись в имперском дворце в VI веке по Р. Х., становится официальной законной женой императора.

В библейской истории произошедшему можно найти, пожалуй, только один аналог. Когда-то Адам, соблазненный посулом змея (*будете яко боги*), уходил из первозданного рая. Теперь же Церковь (новый человек, новая Ева), соблазненная сверкающим имперским венцом власти над миром, уходила из бескрайнего Божьего мира в золотую клетку Империи... Так, подобно иудеям, отвергшим своего Мессию, Церковь оставляет свою первую любовь. И подобно же иудеям, в течение почти двух тысяч лет оказывается не способна осознать своего рокового шага и осмыслить свой трагический опыт. (Как мы знаем из учения Церкви, человеческая природа затмевается в результате грехопадения, не в этом ли затмении духа причина отсутствия малейшей рефлексии Церкви по поводу своего рокового шага?)

4. Реакция

Однако отсутствие рефлексии не означает отсутствия реакции. Пусть не на уровне мысли, но на уровне воли реакция была, да еще какая! Исход монашества, молчаливый уход «назад в катакомбы» (в новых условиях — в пустыни) той самой «соли земли», не желающей служить двум господам и разминивать жемчужину Царства на дворцы кесаря. Исход неизбежный и неизбежно двусмысленный. Монах уходит из города, где Церковь разлагается в своих слишком тесных отношениях с империей, в пустыню, где его дух — один на один с Небом — может восстановить поколебленную вертикаль связи человека с Богом. Но по сути своей исход этот — лишь новая поляризация, исход очередного «избранного народа», теперь уже внутри самого христианства. Добровольное девство монахов, несомненно, сохранило и спасло Церковь в ее слишком тесных отношениях с империей, слишком опасных сближениях правды с ложью. Однако семя избранности и разделе-

государства состоит, прежде всего, в осознании им своей ограниченности, в отказе рассматривать себя как абсолютную ценность... Между тем исторически — в этом вся драма византизма — этой “переоценки” не совершилось ни при Константине, ни после него» (Прот. А. Шмеман. Исторический путь православия).

ния, которое несет в себе монашество, станет основанием не только вершин христианского духа, но и новых катастроф христианства. Не раз в его истории бывало так, что один человек (как правило, монах) спасал Церковь в ее компромиссах с властью. Но и большинством ересей и духом нетерпимости и фанатизма Церковь обязана именно монашеству. Фанатичное зелотство монахов против утопающей в гедонизме иерархии — это противостояние останется в Церкви уже навсегда.

И как когда-то еврейство для языческого Рима, монашество станет отныне камнем преткновения, тем ядром Церкви, которое государство никогда не сможет расколоть до конца, хотя и попытается не без успеха приручить (очень скоро монахи займут главные места в церковной иерархии).

С монашеством будет связан и самый тяжкий кризис Восточной церкви — кризис иконоборчества (который не напрасно зовут также «монахомахией»). В одном из важнейших своих аспектов иконоборчество — война государства с Церковью за первенство и власть над душами. Государство обрушивается на монашество как на единственную, сохраняющую внутреннюю независимость, не до конца детерминированную им реальность. И к тому же имеющую огромный авторитет в народе.

То же относится и к иконе. Икона — образ Первообраза, окно в мир иной, куда может ускользнуть подданный государства от его тотальной власти.

Ревность к духовной власти Церкви — вот главная побудительная причина гонений, которые развернули императоры-иконоборцы. Все остальное (включая догматическую сообразность иконы и даже материальные богатства монастырей, думается, вторично).

Два века иконоборчества — это настоящая война, объявленная императорами монашеству. Монахи будут объявлены вне закона, на них попросту будет развязана охота. В конце концов, победа останется за монашеством. Но победа с точки зрения христианства весьма двусмысленная. Реакция едва ли не превзойдет своей жестокостью само иконоборчество. А святые императрицы Ирина и Феодора останутся в истории не только как восставительницы иконопочитания, но первая как мать, ради власти приказавшая выколоть глаза собственному сыну, а вторая — как палач ста тысяч антигосударственников-еретиков павликиан, *«одних предав мечу, других потопив в море, прочих распяв на крестах»*... Торжество православия (так назовут на Востоке победу над иконоборцами) станет скорее торжеством иудейского закона «око за око, зуб за зуб».

И именно во время иконоборческого кризиса Запад, защищая свои иконы и монастыри, осознает себя как отдельный мир и венчает своим императором короля франков Карла. Формально папы венчают Карла, не признав восхождения на византийский трон женщины — императрицы Ирины. Формально Карл станет императором единой Римской империи, но ясно, что это уже другой мир и выход на финишную прямую к расколу. (С избранием Карла Великого Римский папа обретет опору в своих приятиях на власть во всей Церкви.) Иконоборческий кризис открывает

новую страницу истории христианства — историю раскола. И до сих пор монашество остается стеной, с одной стороны, перекрывающей дороги к единству христиан, с другой — оберегающей дух христианства от окончательного размывания в компромиссах. Неустрашимый парадокс для всех, кто ищет легких ответов!

5. Раскол

У нас нет возможности вдаваться в перипетии споров, приведших к расколу Церкви. Достаточно сказать лишь, что, с одной стороны, история раскола представляет собой такую цепь роковых стечений обстоятельств, что найти в ней правых и виноватых почти невозможно, с другой — жестокая грызня христиан, чем бы она ни была вызвана, в любом случае выглядит мелочно ввиду ее сокрушительных результатов. В конечном счете, мы вынуждены сказать, что в расколе виноват не Восток и не Запад, а тот путь, на который встала Церковь во времена Константина. Раскол стал неизбежной платой за сужение всех духовных перспектив христианства после того, как Церковь целиком оказалась окружена стенами государства. Конфликт между бескомпромиссным духом монашества и вселенской мечтой империи о тысячелетнем царстве (между вертикалью и горизонталью христианских устремлений) стал первым радикальным духовным противостоянием внутри христианства. Раскол Церкви на восточную и западную завершил первое тысячелетие истории Церкви. Причем вертикаль (право-славие) ревниво сохранил за собой Восток, горизонталь (универсальность и единство) забрал Запад.

И в чем бы ни была причина раскола, сам его факт красноречивее любых слов. Как и брак с империей, раскол — прежде всего грех против любви, т. е. против самой природы Церкви. От утраты единства Неба и земли в браке с империей к утрате земного единства в церковном расколе — таков путь этой эпохи. Если когда-то соблазненная имперским венцом Церковь сошла с пути небесного креста на «землю компромисса», то рано или поздно земля должна была разделить потомков первого круга апостолов. (Именно споры о земном и воцеления власти — в чем бы они ни выражались, пусть даже и в «догматических определениях природы Троицы», — настоящая причина разделения.) И если первое грехопадение (брак с Империей) мы сравнили с падением Адама, то второе вполне можно сравнить с историей первого братоубийства.

С расколом средневековый мир лишился той краеугольной идеи, которой он держался, — идеи единения в абсолюте. И важнейшая миссия Церкви — приведение мира к единству во Христе — становится недостижима. (Фокусник распилил девушку пополам, любящие мамы разорвали ребенка на части.) Отсюда и печальный конец Византии, Константинополя, который был духовным центром, осью средневекового мира. Настоящая причина краха Византии — не турки и не Запад, но утрата смысла существования.

С «торжеством православия» бытие Византии все более начинает напоминать нашу эпоху «развитого социализма». Если до IX века, пусть и раздираемая ересями и болезнями, Церковь жила (болезни и ереси — естественные спутники неестественного бытия), то теперь она более похожа на окоченелый труп. Атаки ересей действительно стихают, и церковные догматы жестко схватывает «Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина. Но никто уже не верит в официальные догмы этого «Краткого курса» православия. Население, лишенное перспектив развития, впадает в депрессию (так же точно, как накануне падения Рима). А интеллектуальная элита, приезжая защищать догматы веры на Флорентийский собор, в кулуарах проповедует язычество и Зевса. В момент своей окончательной гибели Византия оплодотворит Запад интеллектуальным густком чистейшего язычества, дав мощный толчок Возрождению. Плифон станет основателем платоновской академии в Венеции, Варлаам Калабрийский — учителем Франческо Петрарки, а свою теократическую идею умирающая Византия транслирует на Восток.

6. Конец эпохи

Чем же была эпоха Средневековья для Церкви? Можно назвать ее золотым веком христианства, можно — наоборот. Но, быть может, всего вернее назвать ее эпохой великой мечты и великой неудачи.

Но такой же эпохой великой мечты и великой неудачи станет и следующая за ней эпоха. Правда, духовной осью ее окажется уже не Церковь, а революция. Разница между Средневековьем и Новым временем — прежде всего в высоте и цельности духа. Все Средневековье было одним огромным откровением Бога, все оно прошло под знаком явления Христа. Возрождение начинается со смены перспективы: от открытия Бога — к открытию человека, от созерцания Великого Другого — к созерцанию мира. Средневековье пыталось сочетать браком Небо и землю, объять настоящее и постичь вечность. В Новое время человек будет постигать самого себя и штурмом брать свои небеса, свое «светлое завтра». Но все оно станет лишь далеким и слабым отголоском, отражением и тенью тех вещей, самой сутью которых было Средневековье, хотя Новое время и присвоит (едва ли по праву) их имена.

Временем по-настоящему новым были отнюдь не годы Французской революции, а время Христа. Настоящими новыми людьми были не просветители, а первохристиане. Настоящей революцией духа — поистине абсолютная и универсальная революция Христа. Революции научная, географическая, социальная и т. д. стали лишь слабыми, человеческими ее отражениями. Сами имена «Просвещения» и «Возрождения» более соответствуют эпохам начала новой эры и конце античности, нежели позднейшим эпохам. (Вообще Новое время — большой мошенник, оно приучает к тому, чтобы внимательней следить за словами.) Плоские зеркала Просвещения

исказили перспективу нашего взгляда. Гуманизм Возрождения представляется нам чем-то невероятно возвышенным. Действительно, в титанах Возрождения, взращенных на тучной и обильно утрудженной потом и кровью Средневековья почве, дышит нечто по-настоящему новое. Но разве гений Данте, целиком принадлежащий Средневековью, уступает гению Леонардо и Микеланджело? Притом что ослепительный логос Данте уже почти недоступен последним. Да и вся новизна героев Возрождения — лишь слабое отражение подлинной новизны отцов патристики, великих каппадокийцев и бл. Августина, стоящих на границе Средневековья. Гуманизм первых христианских гениев (вспомним хотя бы идею Оригена, принятую Григорием Нисским об апокастасисе — спасении всех, даже злодеев, прошедших через муки очищения) или св. Франциска возвышеннее гуманизма XVI–XVII веков. По сравнению с великим метафизическим открытием личности, совершенным бл. Августином (подобном открытию Платоном мира чистых идей), вся научная революция с эпохой географических открытий выглядит плоской проекцией. Так же как теории относительности и квантовые механики — рядом с интеллектуальным чудом тринитарного богословия и христологическим догматом. Философии истории Августина и Максима Исповедника своей совершенной красотой превосходят не только младенческий лепет просветителей, но и титанические построения великого Гегеля. Достаточно сравнить «Ничто» Псевдо-Дионисия и святого Максима с «Ничто» Ницше и Хайдеггера, чтобы понять, насколько истощилась мысль (и само время) за прошедшие века. Поистине Новое время — время великих подмен и духовной нищеты, рядящейся в царские одежды. Лишь на самых вершинах духа его гении преодолевают роковую ущербность века. Шекспир практически ни в чем не уступает Данте, а Пушкин — Шекспиру. (И святые последние — не менее первых.) Но уже философия Декарта выглядит механической игрушкой в сравнении с безупречным готическим собором Фомы Аквината. Кант и Гегель интеллектуально, наверное, превосходят Дионисия и Максима, но духовное ядро их систем уже чревато распадом. Героями же масс с начала Просвещения становятся ярмарочные трибуны вроде Вольтера или Руссо. Дарвинизм — не более чем вульгарная пародия на величественную теорию эволюции Августина. Весь XIX век с его промышленной революцией кажется пораженным повальной эпидемией оглупления. Процесс умножения толп, знаний, информации и прогрессирующей деградации нарастает с каждой декадой. Громадные интеллектуальные и волевые усилия направлены лишь на умножение тщеты. Вообще рядом с людьми, открывающими Средневековье, все последующие выглядят более-менее «клоунами, разбирающими цирк».

Но несправедливо было бы бросать во всем этом упреки только Новому времени. Ведь само оно есть только *вывод* из неудачи Средневековья, обменявшего Царство Небесное на чечевичную похлебку земного. И если нашу эпоху можно представить новым бегством Адама из райского сада (Церкви), то его «плодом познания» оказалось именно Средневековье. Уже у бл.

Августина, чья философия дышит радостной свободой возрождения жизни (*люби и делай, что хочешь*), дуализм добра и зла (града земного и Небесного) начинает опасно смешиваться в монизме христианской империи (языческое государство — зло, но христианская империя — тело Церкви). У схоластов живое напряженное бытие Августина подменяется абстрактными рассуждениями о свободе и воле, вере и знании. То же постепенное отчуждение от бытия (только уже не в схоластических абстракциях, а в символизме форм) происходит и на Востоке. И уже — неизбежный неразрешимый конфликт веры и знания (вплоть до «субтильного доктора» Оккама с его усекающей бритвой, отделяющей веру от разума, а Небо от земли).

«*В христианстве исчез и обновился мир*», — заметил однажды Пушкин. Но за тысячу лет бытия государства-церкви он обветшает вновь. И разрыв ткани 1054 года (пусть условная, но символическая граница раскола) — роковой рубеж. Завеса Храма вновь оказалась разорвана пополам, единство христианского мира — безнадежно разрушено. Падение Константинополя объявит о конце Средневековья, открывая путь в Европу варварским ордам и силам хаоса и распада. Без удерживающей духовную вертикаль христианского мира Византии Европу начнут разрывать центробежные силы. *А побег христианского духа из мира станет знаком новой эпохи.*

Глава четвертая. Отзвуки катастрофы

1. Побег

В сущности, все бытие человека от Адама есть катастрофа. Это катастрофа имеет и личное (всякая жизнь кончается смертью), и всемирное (конечность бытия всякой цивилизации и идеи) измерение. Сам Основатель христианства смотрел в будущее мира без особого оптимизма: «*Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?*» Но из самой глубины катастрофы являются и те «моменты истины», которые открывают перед человеческим духом новый выход, дают новое дыхание в, казалось бы, безнадежной ситуации. Когда-то на союз Церкви с государством дух христианства ответил реакцией монашества. В момент кризиса Средневековья Церковь снова явит два мощных луча духовного обновления — св. Франциск (ум. 1224) на Западе и Григорий Палама (ум. 1359) на Востоке. Паламизм (*исихазм*, греч. *молчание*) — конечная точка монашеского пути в полном забвении внешнего и обращенности вовнутрь, к мистическому единению с Богом. Францисканство — путь обратный первому, через любовь ко всему живому и сущему в совершенной открытости миру. Но два этих зрелых плода христианства явятся, увы, уже в разделенном мире и будут не в силах духовно поддержать его слабеющие связи. И исихазм, и францисканство станут, в сущности, знаменем побега христианского духа из государства и мира. Исихазм, оставляя догнывать лишенную духовных опор Византию, укроется на Афоне. Братство Франциска начнут раздирать смуты и раздоры при первых же попытках институализации.

Возможно, встреча двух идеалов могла бы стать спасением для мирового христианства, дав совсем иной толчок Возрождению. Но оплодотворять новыми идеями Европу будут не Франциск и не Палама, а Варлаам Калабрийский и Плифон, с которыми на входящий в пору расцвета Запад хлынет с Востока (вместо золота высоких христианских созерцаний) мутный поток гностицизма, магии, оккультизма и призрачных утопий о «городе-солнце». Европа пойдет по пути все нарастающей атомизации, от Оккама и Декарта (населяющего механический космос животными-автоматами) — к воинствующему рационализму просветителей. Вера начинает покидать мир, а место религии занимать «наука» просветителей и «народ» романтиков, спор которых уже в XX веке завершится невиданными мировыми катастрофами и тотальным кризисом всей смысловой парадигмы европейской цивилизации.

2. Развод

Правда, высокое Средневековье предлагало и новые высокие идеалы отношений Церкви и государства. Достаточно взглянуть на «Монархию» Данте с ее идеями верховенства закона, разделения светской и церковной властей, самоуправления и свободы. И с фигурой философа — советника императора, стоящего на страже свободного союза духовной и светской властей. Но подобное возможно, по мнению Данте, только во всемирной империи (но никак не при власти демократической черни, олигархии, тирании или национальных государств).

С крахом Средневековья подобные мечты ушли в прошлое. Но даже протестантская революция, оторвав от Рима половину Европы, не поставит вопрос об отношении Церкви и государства всерьез. Антипапистский пафос реформаторов найдет опору в амбициях европейских королей, и протестантские церкви одна за другой станут заложниками национальных государств. Только когда Церковь из владычицы мира начнет превращаться в гонимую, нелюбимую жену, из глубины церковного сознания станет подниматься запоздалая рефлексия. И лишь в момент окончательного крушения надежд на земное могущество (когда Ницше объявит о смерти Бога исторического христианства) вопрос о принципиальной совместимости с государством всерьез встанет пред церковным сознанием. В Европе ратовать за отделение Церкви от государства будут пуритане и баптисты. В России гласом «вопящего в пустыне» станет голос Льва Толстого.

Толстой — это гениальный взгляд ребенка, увидевшего «голового короля». Обратившись к Нагорной проповеди, сравнив ее с церковной реальностью и убедившись в полном несовпадении реальности с идеалом, Толстой придет к очевидному для себя выводу: официальная Церковь извратила учение Христа, вместо закона всепрощения и совершенной любви вернувшись к учению Моисея (*зуб за зуб, око за око*). Вместо Бога, Которого знает всякая

человеческая душа, она, прельстившись властью над душами, придумала внешнего Бога-идола, обожествила государство и сама стала при нем верховным жрецом.

Во взгляде Толстого много правды, но есть и существенный изъян. Как взгляду ребенка открыта очевидность, но не дано проникнуть в глубины зла, так и Толстой не видит несовершенства человеческой природы (которую Церковь как раз хорошо видит, но — слишком легко соглашается с этим несовершенством в самой себе). Так же из того, что государство тиранично, а историческая Церковь слаба, еще не следует с совершенной неумолимостью отрицание Троицы, грехопадения, Искупления, Причастия, всех таинств и Божественной природы Христа, — все, что делает Толстой, соглашаясь оставить от всего христианства одну голую этику. А эту этику (очень по-русски) утверждая на единственном камне «непротivления», из которого (опять-таки очень по-русски) он соорудит настоящий железный таран для сокрушения церквей и правительств.

Для церковного сознания выводы Толстого были, конечно, слишком радикальны. Но на поставленные вопросы надо было отвечать. В это же время Достоевский будет рассуждать о превращении государства в Церковь, Вл. Соловьев развивать проекты единой Европы под властью русского царя и Римского папы (впрочем, «Инквизитор» первого и «Краткая повесть об антихристе» второго явят и изнанку этих проектов). Но самым трагичным из ответов станет поход попа Гапона во главе народа к царю 9 января 1905 года — поход, который взорвет запал первой русской революции.

Остановимся еще на одном ответе — книге архимандрита Спиридона (Кислякова) «Исповедь священника перед Церковью». Книга эта вышла в годы Первой мировой, и в ней с беспощадной прямоотой задаются те же «роковые вопросы». Не были ли слова «Сим победиши!», услышанные во сне императором Константином и более полутора тысяч лет остающиеся свидетельством победы христианства над миром, лишь искушением, «подобным искушению Христа в пустыне, которое христиане IV века приняли за откровение Неба»? Действительно, что могли значить эти слова для крайне честолюбивого человека, претендующего на имперский престол? Только одно: «Взяв в союзники христианство, ты достигнешь высшей власти». Так не поддавалось ли христианство в IV веке искушению, которое отверг Христос? Результатом чего и стал его страшный провал: «Прежде мир ненавидел их, гнал, мучил... а теперь сами христиане своею исключительною дьявольскою жесткостью... заливают весь мир человеческою кровью». Это были, конечно, страшные догадки и страшные вопросы, воскрешающие эсхатологический испуг раскольников: «Архиереи вместо престола Христа установили престол сатаны, на котором антихрист». Непосредственно от русского раскола пройдет к 1917 году линия революционеров-народников и их последователей эсеров, об удивительной «апокалиптической» этике которых тоже необходимо сказать несколько слов.

3. Этика революции

Культом народничества — самопожертвование, жажда мученичества и страдания за народ. Эта «революционная святость» найдет парадоксальное преломление и у их духовных наследников — эсеров. Террористка Вера Засулич будет говорить о своей непреодолимой с детства тяге *«спасать распятого Христа»*. Михайловский — о своей жажде *«безвозвратно утонуть, раствориться в серой, грубой массе народа, чтобы до конца преодолеть свою самость, стать “соборной личностью”*». Высочайшей ступенью отречения народников станет жажда положить за народ не только жизнь, но и собственную душевную чистоту: *«Грех быть чистым, когда мир тонет в грехе», «стыдно жить», «стыдно быть хорошим»* в ужасном мире. Взять на себя тягчайший грех убийства, *«чтобы другим больше никогда не надо было убивать»* — таким станет нравственный пафос эсеровского террора.

В сущности, революционная интеллигенция как «духовный орден», взявший на себя функции Церкви (которые сама историческая Церковь оказалась бессильна выполнить), во многом повторит путь идеалистов-христиан. Стремление народников построить государственную систему *«на максимуме нравственности»* приведет их к страшному провалу. *«Цель, разумеется, недостижимая, ведь... по определению не максимум, а, напротив, защита минимума нравственности является функцией государства»*, — замечает М. Саркисянц в книге «Россия и мессианизм» и заключает: *«Крайнее самоумищление переплелось в начальной психологии революционного террора с крайним самовозвеличиванием — и это переплетение составляет сущность той духовной почвы, на которой выросла мораль большевизма, соединившего “харизму страдания” пролетариата с пафосом “штурма неба” и низвержением старых богов — идейное наследие московской Руси с титанизмом Петра Великого»*.

Эсеры с их максимой «быть властью стыдно» без сопротивления отдадут ее большевикам — самой циничной и беспринципной секте русской революции, оседлавшей ее на самом излете. Но даже у большевиков громче всего будет звучать пафос жертвы и эсхатологического преображения мира. Правда, призывая сделать Россию запалом мировой революции, большевики более всего будут стремиться удержаться у власти (в то время как народники желали принести в жертву прежде всего самих себя)⁸.

В духовном смысле русская революция была некой модернистской версией еврейско-христианского хилиазма, жаждой прорыва в Тысячелетнее

⁸ «В день победы революции не дайте замарать ее святое имя насилем и жестокостью по отношению к побежденному противнику», — восклицает узник-народоволец, обращаясь в письме к братьям из стен Петропавловской крепости. Большевики, выступая против эсеровского террора, рассуждают совершенно иначе. Террор не рационален, поскольку сопряжен со смертью революционера. Вот когда придем к власти, тогда и развернем террор» (Саркисянц М. Россия и мессианизм).

Царство Бога, к «новой земле и новому небу». Нетрудно увидеть в ней тот кризис веры, который был характерен и для конца Византии. Так же как и на излете Средневековья, итогом русской симфонии Церкви и государства явилась этическая несостоятельность всех ее институтов. Царь предал народ, символом которого был (9 января 1905 года); Церковь предала царя, которого помазывала на царство (февраль 1917-го); армия отвернулась от государства, которому присягала на верность (массовое дезертирство с фронтов Первой мировой), а народ отвернулся от веры. Результатом всей этой «эскалации отречений» и стало революционное крушение России, *«слиявшей в три дня»*, по выражению Вас. Розанова.

4. Обновленчество

И еще на одной странице церковной истории России XX века стоит остановиться подробнее. Хотя бы потому, что все сегодняшние попытки церковных обновлений растут из того же ствола и страдают теми же родовыми болезнями.

Крайне несправедливо мнение, считающее обновленчество лишь проектом ГПУ *«для развала церкви изнутри»*. На самом деле обновленчество было мощным движением внутри самой Церкви (среднего ее звена, разбуженного революционным подъемом), ответом на лавинный рык Толстого и «Церковь в параличе» Достоевского. Движение это было демократическим по сути, интеллигентским по составу, спонтанным по природе и разнородным по содержанию. Оно представляло собой конгломерат разрозненных общин, не имевших ни общего центра, ни платформы и зачастую враждовавших между собой. Совершенно разными были и лидеры движения. Упомянем лишь нескольких, самых ярких и характерных. Упомянем, поскольку типаж эти универсальны и мы без труда обнаружим их и в сегодняшней церковной реальности.

Начнем с лучших.

О. Александр Боярский — убежденный христианский социалист, пламенный идеалист и рабочий проповедник, выступавший за исключительно мирные методы борьбы со злом. Единственный из ведущих лидеров обновленчества, закончивший жизнь как мученик. *Государство, которое захотело бы жить по христианским принципам, не просуществовало бы и трех дней* — его убеждение.

Епископ Антонин (Грановский) — крупный ученый-библеист, творец литургической реформы, пожалуй, единственный из обновленцев, чьи декларации о необходимости реформ не разошлись с делом⁹.

⁹ Служа в 20-х годах в Заиконоспасском монастыре Москвы епископ Антонин попытался провести в жизнь литургическую реформу. Перевел литургию на русский язык (дополнив моментами из коптской и сирийской традиций), устранил иконостас, ввел общенародное пение вместо наемных хоров. Упразднил церков-

Будучи защитником строгого аскетизма, клеймил обновленцев за нападку на монашество и моральное разложение. *«Я приехал посмотреть нового Лютера, а увидел нового апостола Павла»*, — сказал о нем один немецкий пастор.

На другом полюсе — митрополит Николай Платонов, хозяин Ленинградской епархии, всю жизнь метавшийся от черносотенных лозунгов к речам о «народной свободе», от гонителя живоцерковников до ярого обновленца, от священника до антирелигиозного пропагандиста. И закончивший мятежную, как сама эпоха, жизнь примирением с Богом.

Одиозный о. Владимир Красницкий — организатор Высшего церковного управления (ВЦУ) и партии «Живая Церковь» (прямых аналогов ВЦИК и ВКП(б)), на короткое время ставший настоящим диктатором ВЦУ в центре широко разветвленной сети, действующей на всей территории СССР.

Оба полюса обновленчества объединяет его духовный вождь Александр Введенский — человек двойственный, как и все движение. Внук крещеного кантониста, друг Мережковского и Гиппиус, поэт, музыкант, любитель денег и женщин, пламенно верующий и без памяти самовлюбленный честолюбец. *«Человек умный, но авантюрист»* — лучшая его характеристика. Плоть от плоти Серебряного века, этот *«александр блок от православия»* исповедовал литургическое опьянение, солнечное, мистериальное христианство, экстаз как высшую форму молитвенного воспарения. *«Важнее всего в Церкви Сам Христос!»* — восклицал он. Но важнее даже «мистериального Христа» для самого о. Александра была, увы, политика. Политика! — она и стала главной ахиллесовой пятой обновленцев. И вот отчего движение потерпело законный и ожидаемый крах. Ибо *«обновление Церкви надо делать чистыми руками. Себя прежде обновить надо»*, — как заметил однажды о Введенском епископ Антонин, — лучшая, пожалуй, эпитафия обновленчеству.

Однако между путями церковного консерватизма, ищущего спасение от кошмарной реальности во внутренней клетке (олицетворением чего был патриарх Тихон), и революционным энтузиазмом обновленцев был, возможно, и третий путь, совершенно (в лучшем смысле слова) аполитичный и потому подлинно христианский, который олицетворял митрополит Петроградский Вениамин. Консерваторы ненавидели большевиков, либералы мечтали о конкордате с ними, а владыка Вениамин говорил о большевиках следующим образом: *«Поскольку они люди наиболее морально слабые, тем более нуждаются в жалости»*. Во время голода в Поволжье, когда вопрос о сдаче церковных ценностей разделил церковных демократов и консерваторов, он занял позицию, близкую первым: Церковь должна пойти на добро-

ный этикет, отменил награды духовенства (камилавки, набедренники, палицы), епископские митры и саккосы, оставив лишь омофор, панагию и посох (атрибуты, имеющие мистический смысл). Восстановил древний апостольский обычай выборов епископа. В то же время владыка Антонин не навязывал никому новых обрядов, настаивая лишь на праве их существования.

вольную жертву, она будет нишей, но безмерно прекрасной в своей нишете. Будучи приглашен в «Помгол» (Комитет помощи голодающим), митрополит Вениамин своей речью о единении перед лицом общей беды так растрогал большевиков, что те провожали его, склонившись с непокрытыми головами, а в большевистских газетах появились о нем восторженные статьи. Но у Москвы были совсем другие планы относительно Церкви, и в планах этих обновленцы приняли живое участие. Церковный переворот, организованный Введенским и Красницким под чутким кураторством Евгения Тучкова (руководящего работника ЧК по церковным делам), все изменил. Митрополит Вениамин был арестован и вскоре расстрелян, а обновленческое движение, навсегда запятнавшее себя этим предательством, потеряло всякий авторитет в народе.

Справедливости ради нужно сказать, что лучшие из обновленцев и здесь пытались спасти честь движения. О. Александр Боярский выступил на процессе с горячей поддержкой митрополита Вениамина, епископ Антонин не обинуясь назвал Красницкого «подлым интриганом», Введенского «моральным вырожденцем», а созданное ими ВЦУ — «шайкой проходимцев». С испугом поглядывал на Красницкого и сам Введенский, замечая при случае, что не понимает, как мог такой человек, бывший черносотенец и типичный бюрократ по повадкам, оказаться среди них, интеллигентов (в глубине души, впрочем, прекрасно понимая, кто дает зеленый свет движению).

Итог обновленческого движения оказался двояким. В части демократизации Церкви оно потерпело полное фиаско. Что же до сотрудничества с большевиками, то эти его традиции были целиком восприняты патриархом Сергием (Страгородским). Со стороны консерваторов принятие сталинского государства оказалось шагом столь же органичным, как и принятие революционных преобразований — демократами. Судьба Церкви в СССР, в сущности, мало чем отличалась от ее положения при византийских императорах. И владыка Сергей — великий знаток истории Церкви — это прекрасно понял.

Что же касается самого обновленчества, то оно лишь повторило судьбу революционной интеллигенции. Как идеализм первой не устоял в жестоких схватках с реальностью и был в конце концов принесен в жертву политике, так и судьбой второй стал моральный крах. И если конечной точкой революционной интеллигенции оказался Ленин, а выводом из последнего Сталин, то конечной точкой обновленчества закономерно стало сергианство. Но кто знает, если бы обновленцы оказались нравственно сильнее и не дали втянуть себя в игры чекистов, не пошла бы история Русской церкви по иному пути — пути митрополита Вениамина, а не патриарха Сергия?

5. Поминки по Европе

На этом историческую часть нашего исследования можно было бы в принципе считать законченной. Со времени, на котором мы только что остановились, ничего принципиально в мире не изменилось. Разве что оконча-

тельно обветшали хоругви былых идей, да апокалипсическая бойня двух мировых войн привела к обвальному расцерковлению и утрате Европой ее христианской идентичности (вместе с центральным положением в мире).

Глядя из нынешнего дня на попытки обновления Церкви в XX веке можно констатировать, что все они закончились крахом. А сами исторические церкви переживают (хоть и по-разному) еще невиданный за две тысячи лет существования христианства кризис.

Но не пришло ли время сделать уже и некоторые выводы? Боюсь, они окажутся неутешительны. Но если хотя бы в самом общем приближении мы осознаем масштабы духовной катастрофы, в которой пребывает современный мир, мы, во всяком случае, можем с чистой совестью отправить в корзину 90% проектов обновлений Церкви, эффективность которых равна эффективности припарок для мертвого. Одно это можно было бы считать положительным результатом наших усилий.

Но прежде чем приступить к «окончательному анализу», хочется привести пару обширных цитат, прекрасно характеризующих как наше время в целом, так и состояние умов и самого христианства. Театровед Марина Давыдова, отвечая на нашумевшую статью Ю. Латыниной «Европа, ты офигела!»¹⁰, объясняется в любви современной Европе: *«В чем... состоит подлинная, фундаментальная и, по сути, единственная ценность, которая определяет Европу как некое ментальное понятие? — спрашивает Марина Давыдова и отвечает: — ...эта ценность... совсем недавно осознанная абсолютная уникальность каждой человеческой личности. <...> Классический гуманизм высоко ставил человека, но требовал от него соответствия высоким идеалам. Новый гуманизм... иной. Он не предъявляет человеку высоких требований. Он объявляет уникальной всякую личность и безусловно ценной всякую жизнь. И такой гуманизм — явление не просто недавнее, а едва ли не вчерашнее. Вроде бы само собой разумеющаяся идея — что сумасшедшие, несовершеннолетние, люди с нетрадиционной ориентацией, иным цветом кожи, иным (не важно каким) культурным бэкграундом, дауны, одноногие темнокожие лесбиянки и даже преступники являются уникальными human beings, — стала править в Европе бал лишь в самое последнее время... Потому что начало двадцать первого века ментально отделяется от середины века двадцатого большей дистанцией, чем середина двадцатого века от Средневековья. Потому что мысль о том, что нет на свете “идеалов”, которые можно было бы поставить выше самой жизни человека, в прошедшей горнило Второй мировой войны Европе стала наконец аксиомой. И это обстоятельство знаменовало собой истинную, гуманитарную революцию, перестроившую жизнь на совершенно новых основаниях.*

...Проще всего увидеть и зафиксировать [этот] перелом... обратившись к современному искусству. Оно ведь только на первый поверхностный взгляд кажется безнравственным и античеловечным. На самом деле оно, перифразируя Ницше, человечно, слишком человечно... Заикленность современных художни-

¹⁰ «Новая газета», 16 августа 2011 г.

ков на темах болезней, плотских изъянов, смерти, старения парадоксальным образом проистекает именно от того, что человеческая жизнь никогда еще не ценилась так высоко и не была так дорога. Его (искусства) нерв, его смысл, его пафос — сострадательность к человеку как таковому, готовность ценить его за сам факт его существования, за то, что он просто родился на свет божий. “Пожалуйста, еще меня любите за то, что я умру” — можно было бы поставить эпиграфом к этому искусству. Оно готово принять человека со всеми его грехами, со всем несовершенством его плоти и души.

“Красивый человек на сцене — это фашизм”, — заявила... на пресс-конференции в Хельсинки видный деятель финского театра Леа Клемола. Это было сказано в запальчивости. Но это отражает типичный ход мысли современного художника. Нормы репрессивны, идеалы опасны. Даже если они и не фашизм, то точно пошлость...

Современное искусство не с личностью в классическом понимании имеет дело, а скорее со скудельным сосудом, в которое помещены томящиеся сознание, мысли, чаяния. Оно утратило то, на чем многие века покоилось, — иерархическую и заодно онтологическую вертикаль. Оно не задает больше жизни высокие стандарты. Оно с огорчением признало, что человек — не венец творения, а скорее квинтэссенция праха, и эту “квинтэссенцию” надо очень сильно пожалеть... Современное искусство совершенно не отрицает (сомневается, но все же не отрицает) того, что “в каждом из нас Бог”, оно лишь заставляет постоянно помнить, что “каждый пред Богом наг. / Жалок, наг и убог”.

Парадоксальным образом никогда Европа не была так близка к исполнению не на словах, а на деле (! — В. М.) евангельских заповедей, как оказалась близка теперь, в эпоху утраты вертикали и торжества секуляризма. ...Европа действительно ... “профукала свое лидерство”, утратила мощный завоевательный дух. На алтарь абсолютной ценности всякого человека она принесла иные ценности. Но не так ли завоевала мир и сама христианская идея... Сила современной Европы так же, как некогда сила самого христианства, состоит в ее слабости. Ее политический закат есть на самом деле самый, быть может, прекрасный и возвышенный за всю ее историю (и вообще историю человечества) взлет. Не знаю, как вы, а я счастлива, что стала его свидетелем”¹¹.

А теперь другая точка зрения на ту же картину с другого конца Европы. Статья профессора израильского университета им. Бар-Илана Элиезер Воронель-Дацевича «О нашей победе, или Кризис христианства» могла бы стать прекрасным заключением этого исследования. Увы, размер статьи не позволяет поместить ее целиком. Потому процитируем только лучшие выдержки (за вычетом особо желчных выпадов в адрес «белой расы», дабы меня не обвинили в «разжигании»). Профессор Дацевич начинает с констатации тотального кризиса христианства, приводя тому множество примеров. Так, в Западной Германии за прошедшее десятилетие число людей,

¹¹ Европа: признание в любви» (Опенспейс 02/09/2011) <http://www.openspace.ru/theatre/projects/139/details/24478/?expand=yes#expand>.

регулярно посещающих церкви, упало более чем в 2 раза (с 14,7 до 7%), в Италии — сокращение почти на треть. *«Британские методисты всерьез обсуждают вопрос, можно ли принимать в свою общину тех, кто и в Бога-то не верит. И приходят к выводу — можно. Мы все гуманисты. Главное — близость к человеку, а не какое-то там запредельное “дело Господне”.* Сегодняшние европейцы с удовольствием отвергают всю европейскую культуру, а в плане духа *«создали себе собственную эклектическую религию, где Христос — сын Будды, ад — одна из форм сансары»...* Бог современного европейца *«давно уж не Б-г Авраама, Исаака и Иакова. И даже не Бог философов и ученых. Это бог ревущей и злобной плоти»...* В сущности, в качестве Бога каждый европеец водружает на свой алтарь свое собственное изображение. *«Его Бог амбивалентен и аморфен. Он не то что не спасет — его вообще нет. Это фикция, фантом»...* Европа стала Европой *«только благодаря христианству. Ныне она желает от него освободиться — надоело».* Будущий век — век семейных кумирен, в которых будет клубиться словесный фимиам. Культ Самого Себя. Культ Своего Успеха. *«Сегодня европейский мир желает сорваться в пропасть. Христос покидает его. Последняя связь с истиной уходит из прогнивших старых мехов».* *«Не далее, как вчера... мы с вами видели массовую истерию христиан-“крестоносцев” в Иерусалиме. Это неопишимо. Группа страдальцев из Европы пришла просить прощения у нас и мусульман за крестовые походы. Какова картинка, сказал бы Лосев».* *«...Эти люди дошли до такой степени падения, что просят прощения за сам факт своего существования. Они признали даже, что их двадцать веков были попусту БОЛЬШОЙ ОШИБКОЙ, тупиком истории. Они подставляют вторую щеку и жалеют об отсутствии третьей».* *«Но древний инстинкт народа-воина говорит нам: кичливый раб, восставший на владыку своего, да будет убит и после раскаяния. Врагов нельзя прощать. Враг всегда останется врагом. Так учит древняя мудрость. И золотой нож войдет в сердце эдомитянина (европейца. — В. М.), ныне в грязи валяющегося перед своими хозяевами».* *«История Европы кончается громким пищиком...»* *«Что это означает? Что с исходом христианства еще из теплого тела Европы свято место остается пусто. И что самое время брать его, самое время ставить все в мире на свои места... Сегодня мы, народ святых, вновь призваны к своей истинной роли — к удержанию всего мира на плечах своих. Что есть этот мир — миф, блеф, жалкий пух за левым плечом еврея. Он существует только потому, что мы существуем, и грош ему цена без нас. Мир есть продукт коллективного воображения еврейского народа. Арийцы, в сущности, таковы, какими мы их придумали. Мы играем в последнюю игру — Европа без своего сердца и средоточения, вот последнее слово наше».* *«“Святой год” — 2000-й — начинается концом Европы и Christentum... Как мы должны воспринимать кризис христианства? Как поминки по большому филиалу нашего банка — по Европе и ее культуре... Европа проиграла... Победили все-таки мы... Грозный, великий урок и память для рода и рода. Урок длиною в двадцать веков... Отныне мы — единственная культурная нация, единственный в мире народ, имеющий перспективу. Мы молча взираем на камни европейских горо-*

дов, подвергивающихся песчаной пыли, и знаем — так было завещано от века. Стоит ли жалеть их? Нет. Стоит ли им помогать? Да, ведь это рабы наши, и, проиграв великую игру, они будут нам служить. Их мир явил свою тайную сущность, великую тайну арийской души. Понимаете ли вы это?» И заканчивает профессор Дадевич: «единственное, о чем мы сегодня должны молиться, — чтобы враги наши МЕНЬШЕ МУЧИЛИСЬ в день окончательной победы Народа Г-дня. Аминь» (14 июля 1999 года, Иерусалим).

По-моему, это прекрасное надгробное слово европейской цивилизации (а чтобы утверждения профессора не показались голословными, укажу хотя бы на весьма масштабную сегодня деятельность секты Бней Ноахид (иудаизм для гоим), занимающейся широким прозелитизмом среди бывших христианских народов (в том числе и в России) и с каждым годом набирающей все новые обороты). А теперь, после двух этих замечательных текстов, которые я бы назвал «спичем идиотизма» (первый) и «спичема иудаизма» (второй), пожалуй, перейдем и к выводам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Откровение

Глава первая. Постцивилизация

1. Оглянемся еще раз

Что ж, не настала ли пора подвести некоторые итоги?

Вторая мировая война стала заключительным аккордом Нового времени. Новую ситуацию (постмодерн) характеризует отсутствие всякой новизны, ощущение послевкусия (*отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина*) и погружение в архаический хаос и варварство, из которых человек вышел когда-то (постцивилизация).

Давайте же еще раз кратко проследим этот путь. Тысячелетнее Царство Божие на земле — такой была великая мечта Церкви в ее браке с империей. Как всякая великая идея, она несла в себе семя своего отрицания. Поскольку Церковь выше, глубже и шире государства, в браке с ним она неизбежно подверглась обструкции и сужению всех перспектив. Невеста Христова стала законной женой императора. Это трагическое падение вызвало реакцию монашества, восстановившего духовную вертикаль христианства. Но внутри единого тела Церкви с этого момента уже зрел разрыв, который через 700 лет привел к катастрофическому расколу Церкви. Конец единства христианского мира означал конец Средневековья, духовной осью которого была Византия. С крушением Византии и началом Возрождения Европа входит в катастрофическую фазу своего развития. Волны исламских завоеваний заливают палубы европейского корабля, а центробежные силы (протестантская, научная, секулярная французская революции) разрывают его физическое и духовное тело. Место Церкви в самосознании Европы заменяют последовательно революция, затем науки и раса. В огне Второй мировой,

в которой столкнулись идеи Просвещения и романтизма (цивилизации и культуры), погребя под своими руинами идеалы европейской цивилизации последних 2000 лет, выжила, пожалуй, лишь экономика. *«Теперь экономика просто в центре объединяет нас вместо Церкви»*, — как заметил поэт. А как пророчески (еще перед самой войной) писал другой: *«Но, кажется, что-то случилось, чего не случалось прежде: хотя мы не знаем, когда, почему, где и как. Люди оставили Бога не ради других богов, но ради не-бога; отнюдь не случилось прежде, Чтобы люди и отрицали богов, и поклонялись богам, первым из них признав Разум. А затем Деньги и Власть, с позволения сказать, Жизнь, Расу и Диалектику. Церковь отвергнута, башня разрушена, колокола низринуты, что же нам делать? Разве стоять с пустыми руками ладонями вверх. В век, постепенно идущий вспять»* (Томас Элиот, «Камень»).

2. «За» и «против»

Однако многие (как, например, Марина Давыдова) не согласятся со столь мрачным взглядом и укажут на положительные изменения, даже и в Церкви. Действительно, в католицизме, например, со времени «Второго Ватикана» можно наблюдать большие перемены: желание гуманизации, единства, стремление к покаянию за исторические грехи. Но у каждого добра есть и своя изнанка. Человечество, как заметил Лютер, подобно пьяному на лошади: поддержишь его с одной стороны, оно тут же начинает заваливаться на другую. В довоенном мире преобладали консервативные идеалы (порядка, рыцарства, чести, иерархии), сейчас — либеральные (свободы, равенства, гуманизма). И те, и другие прекрасны ровно до тех пор, пока не оказываются чрезмерны. И сегодняшний радикальный либерал чреват этой чрезмерностью не меньше, чем фашистские европейские режимы 30-х. Церкви неприличен любой уклон. Но если мир слишком клонится влево, ей, скорее, пристало перейти на правый борт, чтобы сохранить общее равновесие. Во всяком случае человекоцентричность Церкви должна быть уравновешена Теоцентричностью, а ее гуманизм не терять вертикального измерения.

Не все просто и с единством. Раскол христианского мира породил современную катастрофическую цивилизацию. И если единственным спасением для Европы видится восстановление единства, то и страшит нас больше всего то же самое «единство». Ибо где гарантия, что оно окажется единством Церкви, а не ее темного двойника? Такой гарантии нет. И страх zelотов, баррикадирующихся в пещерах и монастырях, вполне оправдан. Чего больше в этой жажде единства — политики ли, братской ли любви, страха ли грозной опасности, перед которой Церковь должна сомкнуть ряды, забыв распри? От этого, в конечном счете, зависит успех примирения.

О принесении Церковью покаяния за свои исторические грехи нельзя сказать ничего плохого. Покаяние — всегда благо. И хотя падшим миром оно воспринимается, как поражение, как поражение, это, конечно, еще ни в

коей мере не показатель. Рассчитывать на то, что ваше покаяние изменит мир, слишком самонадеянно. Хорошо уже, если оно изменит вас. Возможно, реакция мира, который, указывая на католиков (*вот видите, они сами признают*), продолжает бежать из Церкви, — лишь еще одно испытание, через которое надо пройти. Но изменяется ли Католическая церковь, освобождаясь от исторического груза греха? Расправляет ли она крылья? Возможно, переживаемый отток прихожан еще ничего не значит (тем более что в Южной Америке и Африке численность католиков, скорее, растет) и в испытаниях, которые нас еще ожидают, она заблестит как невеста Христова, став источником света для погружающегося в безнадежное уныние мира. Но может быть и так, что покаяние не приносит ошутимого плода именно потому, что Церковь остается в расколе. А причины раскола оказываются не устранены именно потому, что покаяние не полно. Возможно, будучи верным юридически, покаяние не обретает той мистической глубины, откуда только и может засиять правда и свет Церкви. Так, например, в принципиальном вопросе ответственности и вины евреев за смерть Христа юридическая правота говорящих, что евреи как целый народ не могут нести ответственности за Богоубийство, — несомненна. Но с точки зрения Бога и Его иррациональной логики, это безупречная человеческая логика может не значить ровным счетом ничего. И евреи как Божий народ продолжают нести на себе бремя Жертвы, и слова *«кровь Его на нас и на детях наших»* остаются в силе. Рациональная же юридическая правота приводит лишь к снижению порога сопротивления злу¹².

Как справедливо писал Н. Бердяев, *«Христианская история находится во внутренней борьбе с еврейским духом. И отношение к еврейству является внутренним испытанием для христианского духа, потому что как податливость и слабость христиан, отдающая их во власть еврейского духа, так и расовый*

¹² Возможно, гораздо точнее и полнее вопрос об ответственности и причинах страдания избранного народа раскроют несколько строк из баллады Марии Чегодаевой (внучки Михаила Гершензона, вдохновителя знаменитого сборника «Вехи» и автора интереснейшей книги «Судьбы еврейского народа») — Агасфер: *«Я бреду, бреду по свету, я отбил в дороге пятки. Чуть присяду, чуть поверю, что нашел свой отчий дом, — Вмиг меня возьмут за шкуру: “Убирайся, жид проклятый, Уходи своей дорогой, за своим ступай добром!”... До сих пор во сне я вижу эти спекшиеся губы И венец, такой колючий над таким красивым лбом. “Агасфер, подай водицы!” Я Ему ответил грубо: “Убирайся, Бог проклятый, за своим ступай добром!” Я бреду, бреду по свету, я совсем дошел до ручки, Я согласен хоть в могилу, а дороге нет конца... Колот, колот, колот ноги эти подлые колючки, Очень колкие колючки из тернового венца...»* В статье «Богоизбранность человечества. Прозрения и парадоксы Михаила Гершензона» Мария Чегодаева (будучи христианкой и называя XX век *«страстной неделей всего человечества»*) пишет: *«Если судьба еврейского народа — прообраз судьбы всего человечества и каждого отдельного человека в его земном странствии, то земная жизнь Иисуса — прообраз судьбы еврейства во всей ее неизбежной боли и непреходящем величии...»*

антисемитизм, переходящий в насилие, одинаково не выдерживают этого испытания». И именно в этой точке мы должны остановиться сейчас и, отбросив все экивоки и страхи быть неправильно понятыми, дать себе ясный отчет в реальном положении дел. Ибо именно в эту «точку» упираются, в конце концов, все разговоры о «новых путях» и «обновлении Церкви».

Глава вторая. Мессианский век

В отличие от оптимистической и гуманистической западной традиции, церковная традиция Востока скорее склонна характеризовать современный мир как предапокалипсический. История константиновской Церкви, начинаясь с мечты о Тысячелетнем Царстве Христа, ею же и завершается. Только из-под обветшалого христианского хилиазма на поверхность лезет исконный, изначальный еврейский хилиазм. *Машиах уже здесь и вот-вот явит себя* — в таком настроении пребывают сегодня адепты всех ветвей иудаизма. Двухтысячелетняя же церковная традиция привычно видит в ожидаемом иудеями мессии — антихриста. И о чем бы мы ни завели сегодня разговор — о единстве Церкви или ее гуманизации, какие бы умные слова об обновлении ни говорили, все споры, одевшись в броню непримиримого противостояния, приведут нас именно сюда. Вопрос об «антихристе» определяет сегодня в церковном дискурсе всё — так же точно, как вопрос о машиахе определяет все в самосознании иудейском. И в испуганном шараханье либералов от самой темы, и в замороженности ею консерваторов, и в преувеличенно гротескной реакции первых на zelотскую непримиримость вторых мы ощутим верный признак того, что нащупали самую болезную точку и самый главный корень проблемы.

1. Антихрист

Русское самосознание больно темой «антихриста». Всю историю Руси (начиная со «Слова о законе и благодати») можно представить как историю нарастающего эсхатологического напряжения. Можно сказать, что русское христианское самосознание в сущности эсхатологично. Русский живет не столько в истории, сколько — предощущением ее конца, предчувствием Апокалипсиса и преображения мира, которому должны предшествовать невиданные мировые катаклизмы. Поэтому такое огромное место в русском самосознании занимает образ антихриста. С антихристом (особенно со времени Карамзина) сравнивали Ивана Грозного, антихриста видели последовательно в Никоне и Петре. Русские революционеры опознали антихриста в русском царе вообще, а русская постреволюционная эмиграция — в Ленине. Сама революция 1917 года была воспринята как явление апокалипсическое. Сегодня, в соответствии с древней церковной традицией, идущей от Ирины Лионского и Ипполита Римского (веривших, что антихрист придет из колена Данова и воссядет в Иерусалимском храме), антихриста опознают в

ожидаемом евреями машиахе. Этот взгляд находит подтверждение и в словах Самого Христа: *«Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете»* (Ин 5:43).

Кто же такой машиах в еврейской традиции и подлинно ли он является антихристом?

Открыв любой из многочисленных сайтов или книг по современному иудаизму, мы убедимся, что именно идея машиаха является центром, сердцем иудаизма, связывающим все его многочисленные ветви — ортодоксальную, консервативную, либеральную, модернистскую. Например, из книги лидера русскоязычных ортодоксальных модернистов Пинхаса Полонского «Евреи и христианство/несовместимость двух подходов к миру» мы узнаем, что мессия-машиах есть царь и духовный вождь еврейского народа, при жизни которого должен совершиться процесс «геула» (избавление) — освобождения и возрождения мира. Мессия будет обычным человеком, рожденным от обычных мужчины и женщины, евреем из рода Давида, который станет царем Израиля и власть которого распространится на весь мир¹³. Процесс возрождения мира в царстве машиаха станет явным и несомненным для всех. Земля же в эти дни *«будет наполнена ведением Бога, как воды наполняют море»* (Ис 11:9), так что люди *«не будут больше учить друг друга»*, ибо все познают Творца, *«перекуют мечи свои на орала и копыя свои на серпы»* (Ис 2:4). Однако ни греха, ни смерти царство машиаха не упразднит. И в мессианский век люди будут умирать, и свобода грешить у них останется, она лишь будет крайне затруднена. На всех же, кто будет сопротивляться власти мессии, обрушится его гнев. *«И жезлом уст своих поразит он землю»* (Ис 11:4)¹⁴.

Если попытаться выделить самое ядро идеи мессии, то оно, вероятно, будет таким. В центре самосознания еврейского народа стоит фигура вождя. И как миссия Моисея кристаллизовала еврейство в начале пути, так грядущий мессия должен явить его конечное торжество. А через него — торжество Божьей правды в мире. В то же время принципиальные отличия еврейского мессии от христианского очевидны. Царство Христа «не от мира сего», еврейский машиах — царь, кесарь, земной владыка мира. Царство машиаха — не новый преображенный Израиль, но изначальный, традиционный

¹³ *«И будет властвовать он от моря до моря»* (Зхарья 9:10). *«И будет Эдом завоеван» — Давидом как сказано: “И стали эдомитяне рабами Давида”* (Диврей гаямим I, 18:13). *«И будет Сеир завоеван врагами его», как сказано: “И поднимутся спасители на гору Сион, судить [живущих] на горе Эйсав»* (Овадьа 1:21).

¹⁴ Впрочем, отсутствие жесткого догмата в иудаизме позволяет существовать одновременно многим интерпретациям идеи машиаха. Говорят, например, о двух машиахах — из колена Иосифа и колена Давидова. Причем первый должен погибнуть в борьбе с врагами Израиля и лишь второй довершить его дело (возможно, в этот миф трансформировалась неудача восстания Бар-Кохбы). Есть понимание Израиля как коллективного машиаха.

Израиль Синая (со свойственным ему национализмом, сверхчеловеческим самосознанием и кесаризмом), лишь расширенный до границ мира. Какое же место в этой картине мира отдано Иисусу? Не беря крайних и злобных выпадов, наиболее характерное отношение находим у важнейшего авторитета иудаизма Рамбама (Маймонид), в интерпретации которого Иисус оказывается «*мессией для гоим (язычников)*», предтечей истинного еврейского машиаха¹⁵. Образ Христа, таким образом, трактуется прямо противоположно словам Павла о конечном спасении Израиля. И несомненной во всем остается лишь острая связанность христианского и еврейского мессианизма, которая, оставаясь таковой в течение всей мировой истории, и направляла ее стратегическую магистраль¹⁶.

Действительно, во многом именно преследования иудаизма бросили христианскую Церковь в объятия римского императора. Еврейско-христианский хилиазм стал основой государственной «свершившейся эсхатологии» Византии, преобразовавшись затем в утопии Возрождения и, наконец, в коммунистический хилиазм «царства Божия на земле» и национал-социалистскую утопию Тысячелетнего рейха (несомненной аллюзии на тысячелетнее царство Христа). В свое время Сергей Булгаков прозорливо писал: «*Национал-социализм, в котором одновременно и с одинаковой силой подчеркиваются оба мотива — и социализм и национализм, представляет собой не что иное, как пародию и вместе повторение или по крайней мере вариант на темы иудейского мессианизма... Германский расизм воспроизводит собою иудейский мессианизм, который является противником и соперником христианства уже при самом его возникновении*» («Расизм и христианство»).

¹⁵ «...все происшедшее с Йешуа Га-Ноцири и с пророком измаильтян, который пришел после него, было подготовкой пути для царя Машиаха, подготовкой к тому, чтобы весь мир стал служить Всевышнему... Благодаря им весь мир наполнился вестью о Машиахе, о Торе и о заповедях... Но когда придет истинный Машиах, и преуснеет, и достигнет величия, сразу все они поймут, что научили их отцы ложному и что их пророки и предки ввели их в заблуждение» (Рамбам. Мишне Тора, Законы о царях, гл. 11:4).

¹⁶ О той же связанности судьбы Иисуса и еврейства Мария Чегодаева остроумно замечает: Иудеи не узнали Иисуса, потому что «*хотели и ждали другого мессию — способного избавить Израиль от ненавистного рабства, повернуть к его ногам Рим, вернуть могущество Соломонова царства, обеспечить евреям материальное процветание, дать власть над другими странами и народами*». Но «*если вдуматься, Он воплотил сторицею все надежды, которые возлагали евреи на грядущего мессию. Гордый Рим пал ниц перед Распятым Иудеем, Его Царство насчитывает миллиарды граждан всех наций и рас. Еврейская Мать почитается Матерью, Царицей Небесной, Защитницей десятков стран и народов. Вот уже два тысячелетия люди всего мира изучают историю еврейского народа как Священное Писание, знают ее куда лучше собственной истории. В честь евреев Павла и Петра воздвигнуты самые величественные соборы Европы... Иудаисты по сей день всего этого не видят, не признают, ожидают другого мессию, жаждут другой славы и другой власти — торжества и укрепления еврейского национализма, против чего с такой тревогой предостерегал Гершензон*».

Завершая сближение, С. Булгаков говорит о германском фюрерстве как «исторической акциденции» иудейского мессианизма. Действительно, нетрудно увидеть в Адольфе Гитлере некую духовную проекцию еврейского машиаха.

В сущности, в европейских идеологиях XX века было гораздо более общего, чем различий. И либерализм, и коммунизм, и фашизм были продуктами секуляризации, демократизации и либерализации мира в эпоху промышленной революции, выросшими на обломках церкви и монархий. Во всех трех можно выделить иудеохристианское ядро: идею всечеловеческого братства в коммунизме (правда, ценой стирания человеческой индивидуальности), идею культуры и иерархии в фашизме (правда, ценой подчинения человека государству), наконец, идею индивидуальности в либерализме (увы, лишенной всякого вертикального измерения). Все три идеологии имели глобалистские устремления, несли в себе споры тоталитаризма, мессианских устремлений и геноцида¹⁷. Только если СССР и Третий рейх осуществляли геноцид по «классовому» и «расовому» признаку, победившая «либерально-демократическая» модель глобализации практикует его по принципу экономическому (когда целые социальные группы и народы признаются негодными для процесса модернизации и, по сути, приговариваются к уничтожению, как было, например, в 90-е годы в России). Несомненно в духе американской мечты и сияние мессианской идеи. Свой же расистский характер нынешняя Римская империя (США) оставила лишь под напором молодежной революции 60-х. Израиль же до сих пор остается государством чисто расистским по духу¹⁸. То, что победа над немецким национал-социализмом обернулась созданием государства, несущего в себе многие его родовые черты, — еще один поразительный пример вечной нерушимой связи иудаизма и христианства. Тем более оснований видеть в ожидаемом евреями машиахе грядущее «воплощение зла» имеют христиане.

Итак, мы действительно имеем немалые основания предположить, что именно еврейство, давшее (в призвании Авраама) толчок мировой истории, давшее (в явлении Христа) смысл истории, давшее в немалой степени образ и лик современной цивилизации, должно стать и главным актором последней духовной драмы, эту историю завершающей, и что ожидаемый евреями царь-машиах (если он действительно явится в виде мирового правителя) и будет тем антихристом, о неизбежном приходе которого 2000 лет предупре-

¹⁷ «Преобразующий и обескураживающий процесс промышленной революции вызвал среди более всего затронутых ею или самых чутких слоев населения интерпретации, сталкивающие этот процесс как течение болезни. Среди предложенных терапий почетное, но не эксклюзивное место заняли те, что постулировали уничтожение целых социальных групп» (Нольте Э. Европейская гражданская война 1917–1945 гг.).

¹⁸ О том, что расовые законы сегодняшнего Израиля по сути копируют нюрнбергские законы 1935 года, с возмущением пишет тель-авивский историк проф. Шломо Занд в книге «Кто и как изобрел еврейский народ».

ждает христианская Церковь. На этом, как правило, и останавливается христианский фундаментализм в своих историософских выводах.

Однако, ощущая эту правду, мы не можем одновременно не ощутить в ней и некоего тупика. Причем упертого ровно в ту же самую «стену плача», что и фундаментализм иудейский (возможно, лишь с другой стороны). Не правда ли, трудно поверить, что этот разгоряченный узкий фанатик (иудейский или христианский) и есть та «последняя правда», предел путей человеческих, Новый Адам? Совершенно неизбежный в земных путях, он взывает к преодолению.

Не следует настаивать на жизни
Страдальческой из горького упрямства.
Чужбина так же сродственна отчизне,
Как тупику соседствует пространство, —

как заметил поэт. Да ведь и машиах и антихрист — еще не конец, и за лже-мессией, согласно христианскому Откровению, должен явиться Мессия истинный. А сами евреи, согласно богословию апостола Павла, — обратиться к Нему. И именно здесь, вероятно, мы вступаем в область одной из сокровеннейших тайн Церкви и парадоксов домостроительства Бога.

2. Мы не знаем

Прежде всего, мы должны уберечь себя от всевозможных самообманов относительно наших знаний. О будущем мы знаем немного или почти ничего. «Откровение» Иоанна — книга вполне сокровенная. И хотя за две тысячи лет сложилась немалая традиция трактовок «Апокалипсиса», уверовав в них до конца, мы рискуем оказаться в роли иудеев, уверовавших в себя настолько, что отвергли своего Мессию. Впрочем, понимание того, что проникнуть в тайны, которые Бог пожелал оставить сокрытыми, нам не дано, не освобождает нас от необходимости различать «знамения времен». Ясно лишь, что предельно символические образы «Апокалипсиса» не дают никакой возможности их однозначной трактовки. И именно потому, вероятно, что мы не можем и не должны знать будущего. Выбор наш должен свершаться на уровне сердца и веры, а не знания. («*Знание вулгарно, незнание — благородно*», — как точно заметил Андрей Тарковский). Но, не зная будущего, мы, однако, должны быть к нему готовы. Не в этом ли основной посыл Апокалипсиса? Не зная времен и сроков, не зная, *как и когда* свершатся предсказанные события, мы знаем: нам остается вера в богодухновенность самих пророчеств и пытливое вопрошание. Может ли, например, случиться, что пугающие сегодня христиан *микрочипы* — есть лишь операция прикрытия, а «то самое» явится совсем с другой стороны? Может. Может ли «сын погибели» явиться, допустим, в виде православного царя? Может быть и такое. Антихрист — явление всечеловеческое и универсальное (а библейские пророчества известны ему, надо думать, не хуже, чем нам). Сегодняш-

ние на грани нервного срыва ожидания конца не дают нам ни права считать, что дни мира сочтены, ни то, что ожидаемый лжемессия, буде даже он явится и будет признан за «самого», окажется последним. Истинный Мессия один, лжемессий может быть великое множество. Так же и противостояние иудейскому духу есть центральная *историческая*, но не единственная *онтологическая* проблема Церкви. Возможно, Церкви еще придется столкнуться с такими проблемами, как физическое бессмертие (которое обещает уже наука) или превращение человека в нечеловека. Да и сам глобальный, прозрачный насквозь мир представляет собой ситуацию поистине эсхатологическую, даже без видимых следов религиозного вопроса. Сама проблема машиаха, которой мы уделяем столько места, подавляющему большинству населения земли едва ли вообще известна. Конечно, ситуация изменится, когда машиах станет исторической реальностью, «президентом земного шара». Но сейчас дела обстоят именно так. В конце концов, в глобальном мире «технологических номадов» еврейство может трансформироваться так же, как национализм, государство, наука, религия и сам человек. Однако духовная реальность Церкви не может стать иной, чем та, что придал ей ее Божественный Основатель. Возможно, случай вспомнить слова *«И если бы Господь не сократил тех дней, не спаслась бы никакая плоть»* представится, когда научный прогресс, избавив нас от необходимости физической смерти, лишит таким образом нас и последней возможности ускользнуть от тотальной власти Мирового Змея — возможности умереть.

Уместен, конечно, и такой вопрос — может ли апокалипсический сценарий быть заменен сценарием «мессианского века», во что искренне верят иудеи, да и немало христиан? На этот вопрос мы постараемся ответить чуть позже. Однако, чтобы все подобные соображения не увели нас слишком далеко в область предположений, мы (оставаясь в христианской парадигме) должны утвердить мысль на прочных основаниях, дойти до последних столпов. Хотя о духе иудаизма как о тайне самой истории, тайне Божьего домостроительства мы сказали уже не мало, все же решимся еще на один, последний приступ.

3. Тайна еврейства

В работе «Расизм и христианство» о. Сергей Булгаков пишет: *«Национальный дух и сплоченность еврейства остаются неразложимы и неодолимы никакими силами национального соперничества и антагонизма других народов. Происходит мирная, но победоносная борьба еврейства со всем миром, меняющая формы, но неизменная по содержанию. При всей уродливости расизма, нельзя не отдать ему справедливости в том, что самый факт этот здесь почувствован и констатирован с исключительной пронзительностью. В нем есть печать избранности избранного народа, некое всемирно-историческое чудо, совершающееся на протяжении всех веков и перед лицом всех народов. Отрицать или даже преуменьшать этот факт некоей всемирной супрематии еврейства,*

при этом лишено государственности и территории и составляющего в мировом масштабе ничтожное меньшинство, хотя бы даже и возрастающее в численности, является тенденциозным умалением или замалчиванием исторической действительности».

Еврейство сплоченное, спекшееся когда-то обращенным к нему словом Синайского откровения, продолжает нести на своих лицах и в своих сердцах его отражение, и сильнее этого единства нет, вероятно, ничего на земле. Даже рожденное в горниле иудаизма христианство оказывается, по видимости, менее сильным. Это и неудивительно. Христианство — не национальная религия, но личная вера. Такая вера с необходимостью должна пройти через кризис, разрыв, разрушение всех природных связей, которые должны быть заменены связями иной природы («*Царство Мое не от мира сего*»). Еврейство же через такой кризис не проходит, потому и связи его (человеческой, слишком человеческой природы) крепки, как железные тросы. При этом христианство и иудаизм остаются вечной неразрывной парой, полюсами, между которыми течет история мира как «единство и борьба противоположностей». Не случайно, утверждая, что «*вообще нет — и не может быть — более трагического и антиномического вопроса, нежели отношение между христианством и еврейством*», о. Сергей Булгаков приходит к парадоксальному выводу: что «*антихристианство еврейства есть самое подлинное и христианское в нем*»¹⁹.

Действительно, антихристианство остается самой горячей верой иудейства. И если от любви до ненависти — один шаг, то, вероятно, верно и обратное: от Савла до Павла — один миг откровения. Продолжив мысль Булгакова, можно сказать, что и антисемитизм есть явление не только *самое иудейское* в христианстве, но и столь же подлинное и живое. Проблема антисемитизма не в том, что он ужасен, а в том, что, будучи ужасен, он *естественен*. Что сама проблема антисемитизма есть проблема человеческой природы как таковой и потому неискоренима (разве что вместе с самой природой), не разрешима в пределах истории, но, будучи сверхприродной и сверхисторической, — разрешима лишь в сверхприродной

¹⁹ «*Иудаизм есть все-таки Ветхий Завет для христианства, а последнее хочет стать Новым Заветом для еврейства, его продолжением и исполнением. Поэтому напряженная ревность, доходящая до вражды, является здесь естественной, она даже достойнее, чем взаимное равнодушие и небрежение. Отсюда видно, насколько трудно осуществлять и сохранять христианское отношение к еврейству, которое здесь является стороной одновременно наступающей и обороняющейся, и оно больно христорбством и отвержением христианства... Все существо Израиля, под какими бы внутренними или внешними масками оно ни сокрывалось, есть дума, чаяние, борьба, противление, всегда гложущая и никогда не оставляющая мысль о Мессии, грядущем или уже Пришедшем, — о Христе. Это своеобразное прирожденное христианство Израиля пока остается антихристианством, как борьбой со Христом в себе самих. Парадоксально, что это-то антихристианство и является не только самым живым, но и наиболее христианским в нем*» (Булгаков С. Расизм и христианство).

«безумной» логике христианства и духовной метаистории. О конечных же судьбах еврейства апостол Павел говорит однозначно: «*Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат, даже до сего дня*» (Рим 11:8)... Однако «*ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников, и так весь Израиль спасется, как написано: “придет от Сиона Избавитель и отвратит нечестие от Иакова...”*» (Рим 11:25-26).

У Павла, резко противопоставляющего еврейство и весь остальной мир, само *ожесточение* еврейства оказывается неким залогом спасения других народов. Как такое возможно? Русскому (тоже преимущественно мессианскому) сознанию понять это не так уж трудно. Скажем, в России происходит революционная катастрофа, несущая огромные страдания, разрушения и бесчисленные жертвы. Реакцией на угрозу большевизации Европы становится европейский фашизм и особенно национал-социализм, ставящий знак равенства между большевизмом и еврейством. Новое столкновение становится неизбежным, неся новые страдания и новые неисчислимые жертвы. Ценой всех этих громадных жертв коммунистический соблазн оказывается изжит, а коммунистический эксперимент закрыт. Миссия России — доказать зло марксизма — оказывается исполнена, и результаты ее можно признать даже положительными (в той степени, в которой вообще что-то в катастрофической земной реальности можно признать положительным). Так, двигаясь от противного, Россия выполняет свою мессианскую роль. Нечто подобное (и даже в большей степени — ибо больше дано, с того больше и спросится) происходит с еврейством. Бог судит свой народ еще более пристрастно, нежели иные. Император Тит и Андриан, царь Навуходносор или Гитлер становятся для еврейства такими же орудиями Божьего провидения, как Иван Грозный и Ленин для русских.

Кому-то сказанное покажется слишком «негуманным». Но мир вообще гораздо более трагичен, чем это представляется современному усыпленно-му комфортом и отсутствием необходимости мыслить сознанию. Жизнь — не загородная прогулка и заканчивается, увы, смертью. И как бы ни хотел современный человек ускользнуть от жизни, превратив ее в развлечение и досуг, этой последней реальности ему (до сих пор, во всяком случае) избежать не удавалось. Лишь смерть придает жизни ее настоящие измерения, сообщает ей необходимый смысл. Так или иначе, человек должен пройти через трагедию. И раз уж человек не захотел пойти к Богу путем любви, Бог ведет его к спасению путем ненависти. Не здесь ли тайна Божьего домостроительства, тайна избранного народа, который Бог противопоставляет прочим народам, разжигая между ними огонь взаимной ненависти и вражды? Ибо, что есть еврейство, как не образ народа, всякого народа, народа, как такового? И что есть человек (земной, падший человек), как не демон и чудовище по существу? Да, еврейство — избранный народ и возлюбленный сын Божий. И именно потому как своего возлюбленного сына Бог использует его на самой черной работе — работе священника, работе жертвы и па-

лача (ведь дело священника — быть жертвой и совершать жертвоприношение, и кого же использовать Богу на такой работе, как не Своего любимого сына?). И если правдива притча о чудовище-Шейлоке, то парадоксальным образом его руками (не желающими к тому же исполнять свою миссию) Бог спасает мир. Происходит нечто поистине удивительное! Люди и народы, которые иначе враждовали бы друг с другом, объединяются на почве ненависти к еврейству. Самые разные представители человечества — от клинического антисемита до великодушного рыцаря, от безграмотного мужика до утонченного философа и поэта — оказываются объединены своим отношением к еврейству. Прекрасный и гуманнейший человек, озадачившись «еврейским вопросом», незаметно для себя может зайти очень далеко (ведь антисемитизм — всегда страсть) и стать способным на многое. А затем, протрезвившись однажды, прийти в ужас от самого себя и принести достойные плоды покаяния. Бог разжигает в евреях и прочих народах ненависть друг к другу, доводя их до очередной самоубийственной войны (евреи снова режут гоев или гои — евреев), в результате которой те прекрасные арии, что считали себя ангелами и солью земли, оказываются «демонами», подобными тем, кого они видели в своих врагах. И в арии, до того считавшем себя сверхчеловеком, зарождается чувство вины и покаяния. Так, притягивая к себе народы магнитом еврейства, Бог спасает их — один за другим. Так, ведя человечество путем ненависти, Бог спасает мир, всех — и праведных, и неправедных, — *«заклячая в непослушание»*, дабы ни у кого не возникло соблазна превознестись над ближним. И только Своему народу Бог до поры до времени закрывает глаза. Поэтому еврей, видя вину против себя во всем и каждом, в себе самом не видит никакой вины... Но в конце времен Бог открывает глаза и евреям. Тогда, увидев себя таким, как он есть, еврей ужаснется своим преступлениям и так — спасется. И так — спасутся все. Ибо *«Бог всех заключил в непослушание, чтобы помиловать всех»*.

4. Окончательное решение

Суть конфликта между христианством и иудейством как двумя духовными полюсами мира — конфликт между самостью (самолюбием, эгоизмом) и жертвенностью. И лишь в бездне самоотречения (*«кто потеряет душу (жизнь), тот обретет ее»*) рождается личность, отрицающая самость и самоутверждение как основание своего бытия. Рождается тот последний дуализм, по отношению к которому даже само противостояние христианства и иудаизма оказывается лишь земными проекциями. Ибо последний выбор происходит в сердце человека (христианина ли, иудея или язычника). И лишь в этом смысл прихода машиаха (антихриста), лишь в этом смысл мига, в который *«откроется правда многих сердец»* — иудея и эллина, христианина или язычника. Спор Христа с религией и властью — есть вечный спор между законом и благодатью. Спасение приходит не через соблюдение Закона, а через грех и покаяние — вот поистине новая (по сравнению

с иудаизмом) истина христианства. И трагическую историю этого мира, развязанную Каином и Авелем, разрешить может лишь акт покаяния либо возмездия и суда. Братья должны простить друг друга, либо убить друг друга, прежде чем полюбить уже навсегда. Вот и ответ на вопрос, возможно ли осуществление хилиастической мечты о Царстве Божием уже в этом мире. Наверное, возможно, но не ранее, чем будут устранены два его радикальных раскола: когда евреи признают Христа Мессией, а расколота на части христианская Церковь вновь обретет единство в любви.

Глава третья. Обновление

1. Исходные императивы

Итак, теперь, наконец, мы можем считать себя готовыми к тому, чтобы поставить вопрос об обновлении Церкви. В самом общем виде ответить на этот вопрос кажется крайне просто. Единственное возможное обновление Церкви есть *святость*. Она же — единственно возможное его *направление*. Хотя дальше нас, конечно, снова ожидают вопросы, и начать снова придется с самых вершин. Что (или кто) подлинно существует и имеет характер абсолютного, а что относительно этого абсолютного мы можем признать второстепенным? В последнем измерении с точки зрения христианства есть (подлинно существует) только Бог. Это неподвластный нам уровень бытия, о котором мы не можем сказать ровно ничего. Спустившись ступенькой ниже, мы встречаем человека (которому вместе с бытием дано также и задание *стать богом по благодати* — во всяком случае таково понимание вопроса православием).

Теперь мы готовы сложить и представить следующую формулу: истинно существуют только Бог, человек (личность) и связь между ними. Эту связь мы вправе обозначить словом Церковь (понятие, которое заключит в себя людей, иных разумных и просто живых существ, благодатные энергии и вообще всю духовную природу, составляющую созданный Богом мир вне его порчи). Можно сказать, что *принцип существования личности есть Церковь*. И для описания этой реальности нам, вероятно, достаточно окажется слов *единство* и *истинность* (причем мы можем уже заметить, что *единство* в своем осмыслении Церкви склонен акцентировать Запад, на слове *истинность* традиционно настаивает Восток).

И еще раз — личность (которая есть отрицание самости) и единство личностей в их истинном отношении к Богу (которое есть Церковь) — вот положения и отношения, которые мы, думается, вправе с точки зрения христианства назвать незыблемыми, абсолютными ценностями. Теперь мы готовы сделать следующий шаг и сказать о цели их земного существования. Личность должна удерживать связь с Богом и расточать себя в других (ибо только так личность способна утверждать свое бытие), Церковь — умножать любовь в своем внутреннем кругу, освещая (и призывая к себе) мир вовне.

Теперь мы готовы спуститься еще на одну ступень и впервые произнести слово *государство*. Да, земная Церковь, явление небесное, для которого нет границ ни на Небе, ни на земле, существует, тем не менее, в земной реальности, всегда разделенной, враждующей, преисполненной разнообразными страстями (совокупность страстей и составляет слово «мир» в понимании Церкви).

Какова же цель бытия Церкви, по необходимости ограниченной земными границами государства?

Во-первых, конечно, стремление к единству (Неба и земли) и, значит, преодолению этих земных границ.

Во-вторых, наполнение своим (то есть Христовым) светом пространства. Солнце должно светить — такова его природа, в какие бы условия бытия оно ни было помещено.

Но главное оружие Церкви — слово. Поэтому естественно для Церкви раскрывать свои истины, обращаясь к культурной самобытности, в которой она пребывает, и обращаясь к ней на понятном людям языке. (Только так, через понимание, и возможна встреча.)

По-моему, мы сказали уже практически все необходимое. Ибо дальше начинается уже непосредственно эмпирическая реальность, бесконечно многообразная.

Обратившись, например, к России, мы посчитали бы уместным сказать, что высшим проявлением духа христианства явились в нашей исторической и духовной реальности «Троица» Рублева и «Всечеловек» Пушкина (или, говоря точнее, Логос-Поэт пушкинского «Памятника», непосредственно к «Троице» устремленный). Не потому, что нет других феноменов, а потому, что именно два этих удивительно полно описывают русский духовный космос. Настолько, что все иные описания становятся излишни.

Но почему именно Рублев и Пушкин, а не, казалось бы, гораздо более уместные в сочетании со словом Церковь св. Сергий и св. Серафим?

Потому что, на наш взгляд, именно художник и поэт — и именно такие художник и поэт, как Рублев и Пушкин, — наиболее полно раскрывают сущность христианства как явления, превосходящего всякую религиозность и традицию, явления, открытого всему космосу, пронизающего *«и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье»* (акцент в данном случае сделан на слове *единство*, поскольку слово *истинность* вполне описано «Троицей», к которой оно устремлено).

Теперь, какова же природа, вернее, каковы же механизмы, с помощью которых достигается единство, совершается взлет, становится явным откровение Бога? Обратимся к Семену Франку, утверждающему, что именно Пушкину из всей русской литературы (а пожалуй, всего русского, и не только русского, мира) удалось дать *«идеальный ответ на зло»*. Не пытаюсь изменить этот мир подобно просветителям (и позднее — марксистам), Пушкин, как утверждает Франк, принимает зло этого мира *как свое собственное* зло. Понимая, что всякая борьба со злом вовне лишь умножает зло (вечная че-

ловеческая иллюзия), Пушкин побеждает зло не борьбой с ним, а его мужественным принятием в себя и угашением через сострадание и жертву²⁰.

То, о чем говорит Франк, и есть, по существу, путь России. Путь, предопределенный Богом и требующий согласия в духе народа. Его начала мы видим в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Его знает дух народа, его завет хранит народное сердце, выражают народные гении. Но этого идеального пушкинского ответа на зло не увидела русская интеллигенция. Даже таким гениям, как Толстой и Достоевский, не удалось дойти до той глубины божественного спокойствия, которое было доступно Пушкину. Да и самому Пушкину в реальной жизни не удалось удержаться на высоте своих духовных открытий. *«Русская мысль после Пушкина, пойдя по пути "негодования на мировое зло", обратилась, в конце концов, в демонический бунт против Творца и проложила путь большевизму»*, — утверждает Франк. Такова духовная история всего XX века, добавим мы. И именно здесь стоило бы поставить точку в определении сегодняшних земных целеполаганий Церкви.

2. «Силы развития»

«Опасно говорить человеку о его величии. Еще опаснее говорить о его ничтожестве Хуже всего — умалчивать о том и другом», — писал Блез Паскаль. О вине самого христианства за отход от него мира, забвении своих вечных оснований, своей глубины, об угашении своего бескомпромиссного духа, редуцировании своих измерений до приемлемой государству степени говорил и великий православный подвижник Софроний Сахаров (1896 — 1993). Само христианство виновато в своем сегодняшнем кризисе. И невозможно выйти из него иначе, как только вернуть эти вечные основания и измерения, вновь зажечь вечный дух. И конечно, прежде всего сама Церковь должна *вспомнить себя*, вернуться к своей *первой любви*, открыть свою глубину и, перестав сидеть, подобно скупому рыцарю, на сундуках, раскрыть свои богатства людям. Потрясти человеческий дух, заморозить его настоящей красотой христианства, просиять откровением — вернуть христианству его подлинный вкус, вкус морской соли и солнца.

Но слова должны быть, конечно, подтверждены делом. Опыт великих подвижников, истина о величии человеческого духа и единстве человеческого рода (*все люди — есть единый человек, единый Адам*), известная православию, и истина открытой миру любви в традиции св. Франциска должны встретиться и явить и настоящее величие духа (но не гордое превозношение фашистской мечты), настоящий христианский гуманизм (но не болезненный всхлип последнего человека).

«Силы вырождения — это громадная ползучая масса, а силы развития — полдюжины людей», — говорил Элиот. Даже если так и на всю Европу наберется всего полдюжины разумных людей, они будут сильны, когда окажутся

²⁰ См. работу С. Франка «Пушкин и духовный путь России».

вместе. И именно их мы назовем «культурной элитой», заметив, что реально существовать и действовать такая элита окажется способна только в христианском обществе.

3. Христианское общество

Церковь никогда не сможет удовлетвориться ролью лишь терпящей. Ибо *«не может скрыться город, поставленный на вершине горы»*. Призванная сиять миру, полноценно существовать Церковь может только в христианском обществе. То есть там, где взоры людей устремлены к ней, где ее видят и ждут от нее глаголов жизни вечной. И не только глаголов. Ведь и Христос не только проповедовал, но и исцелял. Спасение паствы, то есть общества, то есть страны — только так, как нам кажется, может быть поставлена и понята минимально возможная задача Церкви. Естественно, осуществляться она должна не государственными (т. е. не репрессивными), а церковными средствами — прежде всего делами милосердия. Что касается России, то здесь, как кажется, Сам Бог дает такое поле деятельности, что искать дел не приходится. Например, полумиллионная армия российских сирот — это такая яма под обществом, что, если ничего не делать сегодня, завтра в нее легко можно рухнуть. Для тех, кто понимает остроту и духовную глубину проблемы, — это настоящее дело. Не превращение Церкви в некий неопасный «попечительский орган», но понимание трагизма ситуации, в которой Церкви не зазорно побыть и сиделкой, и воспитателем²¹. Сформулировать цель деятельности Церкви в обществе можно и так — изменение атмосферы и климата. Потому что именно это (изменение отношений власти и народа, политических лагерей и людей между собой), а не экономические или политические реформы, является основой устойчивости любого общества, здесь кроются тайные механизмы его прочности.

Возвращение иерархии ценностей — задача того же ряда. Человек, личность, общество — иерархичны по своей природе. Современное «антииерархическое, антирепрессивное общество» — есть чистая демагогия: когда из общества вымывается настоящая элита, ее место занимают проходимцы и спекулянты. Потому единственной альтернативой христианскому обществу может быть не «нейтральное», а языческое общество (свято место пусто не бывает). И Церковь не должна себя обманывать и не должна давать обмануть себя разговорами о «нейтральном обществе», она должна бороться за христианское общество.

Безусловно, это «христианское общество» должно быть обществом нового типа. Потому что все известные модели себя исчерпали или невозможны сегодня. О том, какие это могут быть модели, и должна идти речь. Ошибаются и консерваторы, надеющиеся «реставрировать прошлое». Прошлое прошло, его невозможно вернуть, как невозможно вернуть молодость. Но

²¹ См.: *Можегов В.* «Кто примет дитя во имя Мос...»? — «Континент», № 142 и 147.

ошибаются и либералы, не способные, кажется, вообще ни на что, кроме бессмысленных шаманских заклинаний о «свободе, которая сама вывезет». «Разбитую вазу не склеить, но из осколков Бог волен сложить прекрасную мозаику», — заметил как-то афонский старец Паисий. И это, кажется, единственно возможный путь.

Нужно подвергнуть глубокой критике и переосмыслению доктрины прошлого века и, выделив рациональное зерно каждой (взяв от консерватизма — отношение к культуре, чести и иерархии, от социализма — всечеловечность и заботу об обществе в целом, от либерализма — внимание к конкретному человеку), попытаться соединить их в новом синтезе. Ведь нам уже понятна коренная ошибка идеологий XX века, заключавшаяся в том, что все они отвернулись от христианства и Церкви. Не пытаясь избрести нечто совершенно новое, мы, тем не менее, должны строить *новое общество на новых основаниях*. Другого выхода у нас просто нет. В работе «Идея христианского общества» (написанной накануне Второй мировой войны) Элиот пытается продлить вектор развития Запада, ища определение его идейного строя: власть финансовой олигархии? тоталитарной демократии? либеральной диктатуры? нейтральное общество? языческое общество? И наконец, находит, как кажется, идеальное определение, актуальное и сегодня: «*тоталитарная бездуховность*». Единственной альтернативой такой *тоталитарной бездуховности* (или, чтобы не слишком шокировать нашего интеллигентного обывателя, скажем — *тотальной бездуховности*) Элиот видит *христианское общество*. (Либералы не должны себя обманывать. В сегодняшних российских реалиях единственной альтернативой христианскому обществу окажется, в конце концов, даже не языческое, а черносотенное общество — общество весьма нежелательное и некомфортное.) Христианское общество в понимании Элиота — это, безусловно, светское общество, основанное на христианской культуре и этике. Общество, приоритет которого — культура, а не экономика и в котором «*важнее того, во что верят находящиеся у власти люди, являются те устои, с которыми им приходится считаться*».

Как могло бы быть устроено такое общество? Об этом можно спорить и говорить, я же предлагаю вспомнить Данте с трехсоставной структурой его «Монархии» (царь, Церковь, философ) и попробовать спроецировать ее на нашу реальность. Мы увидим три центра силы, скажем, Палату культуры, Палату религий (с безусловным приоритетом православия, но справедливым представительством всех традиционных для страны конфессий) и политическую Власть, находящихся под перекрестным контролем друг друга и связанных общей ответственностью. В центре этого «треугольника сил» безусловно должна оказаться Личность — человек с вертикальным измерением (да, да, тот самый всечеловек Пушкина, устремленный к «Троице» Рублева). Безусловен этический императив такого общества (ибо всякая культура — этична). Все болезненное, нездоровое (также, безусловно, имеющее право на существование) не должно диктовать норму (ибо, как мы уже знаем, репрессив-

ность болезненного по отношению к здоровому окажется гораздо страшнее обратной). Репрессивности же в принципе мы не должны бояться, ибо всякое государство репрессивно по своей природе. Важно лишь, чтобы его репрессивность находилась в рамках гуманности и имела целью сдерживание страстей, или, во всяком случае, принуждение не ко злу. Все болезненное должно оставаться на периферии общества, центр же его, озаренный светом, должен быть морально здоров (в тех пределах, разумеется, в каких вообще можно говорить о здоровье в нашем падшем мире). Тем не менее, юные поколения должны видеть здоровое и уметь отличать его от больного. Классическая культура, классическая музыка, классическая архитектура, классическая мораль — таким должен быть центр христианского общества. А защита его здорового минимума стать общественной задачей культурной элиты.

Каждый институт такого общества должен быть занят своим непосредственным делом: государство отвечать за более-менее справедливое распределение национального продукта; религия — давать этические оценки происходящему; культура, стоя на страже свободы, свободно рождать национальные смыслы и идеи. Конечно, между тремя полюсами неизбежны (и даже необходимы) будут конфликты. Зато взамен такое общество получит возможность творчески развиваться и эволюционировать. И главное — в таком обществе легче окажется отстоять свободу человека в виду главного «грозного демона» современности — опасности государственного (религиозного или секулярного) тотального контроля над личностью.

Возможно, увенчать наше общество должна фигура монарха, как этического императива, вознесенного над властью и политикой (но не превращенного в мебель и декорацию). Монарх — гарант и хранитель идеалов христианского общества и даже — живое воплощение идеала, ибо таково его высокое служение. Монарх должен обладать реальными функциями и рычагами воздействия и прежде всего иметь прямую связь с народом при безусловном уважении к нему общества. В частности, монарх должен следить за соответствием моральным нормам и сменяемостью власти.

Замечу, что набросанный здесь (очень условный, конечно) проект — совсем не та железная спайка «государства, церкви и народа», которую предлагают апологеты «симфонии». Ключевое слово в нашем проекте — свобода. Признанные высшими институты общества — Власть, Культура, Религия — необходимо разделены пространством свободы и, подобно трем китам, свободно плывут в общественном океане, каждый в меру своей ответственности поддерживая «землю» общества. О том, как может быть устроено общество, можно думать и спорить. Но преодолеть сегодняшний тотальный кризис цивилизации нельзя вне парадигм этики и христианства, вне явления личности и Церкви (как образа личного бытия) в их бесконечном обновлении и развитии — не дурной бесконечности замкнутого круга или раскачивания над бездной, но бесконечности спасительной и спасенной.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике 2011 года

Мы продолжаем знакомить читателей с публицистическими выступлениями (находя их в бумажной прессе и в Рунете), отличающимися либо оригинальностью и глубиной анализа, либо концептуальной четкостью, либо симптоматичностью. В этом обзоре предлагается изложение наиболее примечательных публикаций с сайтов ej.ru, gazeta.ru, grani.ru, kasparov.ru, livejournal.com, snob.ru, svobodanews.ru, а также сетевых версий бумажных изданий или статей в бумажной прессе («Независимая газета», «Новая газета») и блогосфере.

Общество

Апокалипсический образ мертвого российского общества создавала **Валерия Новодворская** в статье «**Как важно быть японцем**» (Грани.Ру, 4 апреля). *«Россия не пустыня и не скала в океане, это полная чаша нефти и газа, леса, золота, алмазов, водных ресурсов и чернозема. И она не нужна никому, кроме чекистских крыс, выедающих ее, как сыр. Бизнес бежит, ученые бегут, писатели бегут, западники бегут, умники бегут. <...> нас преследует диагноз историка Ключевского: мы не граждане, мы квартиранты. Мы возвращаем ключи и едем в Штаты, Англию, Чехию — в другой отель. Корабль “Россия” тонет, и чем больше народу в спасательных шлюпках, тем меньше шансов у корабля. <...> Россию заливают гигантские волны гражданского и человеческого равнодушия. Это и есть Апокалипсис. “Возникнет стеклянное море, и охладет в мире любовь”».*

Характерны и соображения блогера 19–20 апреля **dr_nemos** в сообществе **ЖЖ inspect public**. В статье «**Россия как ощущение**» он пытается схватить ситуацию на уровне ощущений. Выходит так: «Здесь что-то происходит, что-то крутится и вертится независимо от власти и народа. Во власти все враги всем, даже друзья». Подозрительность и осторожность — норма жизни. Власть не доверяет своему народу, боится и презирает его, при этом наблюдается точно такое же отношение народа к власти. Наблюдается некий паритет сил, крайне хрупкое равновесие, способное нарушиться в любой момент и по любому поводу. Вражда и ненависть — естественная атмосфера современного российского общества, подавляющая любого, попавшего сюда. Власть (все прекрасно осознавая) нагло врет своему народу, проводит откровенно антинародную политику, ставит во главу угла собственное обогащение, обогащение государства, пренебрегая нуждами и интересами народа. «Главный тезис “никому ничего не надо, всем все равно”». Ощущение отсутствия благородства, чести, достоинства превалирует. Народ на все мах-

нул рукой и живет в своем мире. Но этот мир опять-таки полон ненависти, злости и особенно зависти. Прimitив — вот что характеризует россиянина ныне. В обществе ошутимо недостает настоящей «элиты». *«Деградация — вот тенденция современной России».*

В статье **«Перевернутый мир»** после небольшой исторической преамбулы тот же автор выделяет (с опорой на Оруэлла) основные принципы «перевернутого мира» советско-путинской России. Это: 1) вражеское окружение («все вокруг враги», «русских все ненавидят»); 2) антиамериканизм, шире — антизападничество; 3) теория «заговора» как оправдание собственной некомпетентности; 4) Россия — духовный центр мира; 5) мир — это война; 6) свобода — это рабство; 7) честь — в подчинении и послушании власти; 8) достоинство — ненужный рудимент; 9) совесть — архаизм; 10) народу не нужна свобода; 11) управлять Россией могут только избранные.

Андрей Серенко в статье **«Добиться взаимности от родины. Гламурный патриотизм как новая национальная идея»** («Независимая газета», 12 августа) прогнозирует: *«...в российском интернет-пространстве набирает силу гламурный патриотизм. Вполне сформировавшиеся в анатомическом смысле юные москвички, любящие, по их словам, Путина и Медведева, обещают порвать на себе все что только можно во имя любви к руководителям страны. Молодой волгоградец заявляет в ЖЖ о готовности создать “блогосферное НКВД” — движение “для борьбы с врагами народа и отечества”. Можно не сомневаться — это только начало. Блогосферную Россию еще ждет настоящий гламурно-патриотический бум». Смысл гламурно-патриотического дискурса, «получение удовлетворения от любви к себе и Кремлю через интернет — заключается в простой формуле: тиражирование проявлений основного инстинкта с неперменной демонстрацией лояльности актуальному политическому режиму. “Порвать за Путина”, “Зачать за Медведева”, “Родить против НАТО”... <...> Коллективное патриотическое воспитание в догламурный период ориентировало своих адептов на жертвенность, готовность, если понадобится, отдать жизнь за родину. Гламурный патриотизм, напротив, не только индивидуален, но и ориентирован на спасение жизни — через сотрудничество с властью, через получение шанса быть замеченным ею. Социальный лифт вместо братской могилы — неплохая альтернатива для молодого поколения в стране, где любовь к родине никогда не была взаимной».*

Власть

В «Независимой газете» 6 апреля член-корр. РАН **Константин Миккульский** в статье **«Кризис российского авторитаризма»** констатирует: *«В российском авторитаризме менее всего представлена прогрессивно-реформаторская направленность. Наиболее отчетливо в политической жизни России просматривается реакционно-реставраторский вектор развития. Важнейшей функцией российского авторитаризма было и остается сохранение и расширение властных и имущественных позиций и сословных привилегий правящей элиты,*

особенно ее высших эшелонов, в ущерб обществу. Произошла приватизация государственной власти господствующими кланами элиты. Этот авторитарный политический режим завершил формирование нового типа капиталистической экономики, в своей основе не предпринимательской, а бюрократическо-олигархической. Именно благодаря этой модели общественного устройства за годы президентства Владимира Путина произошла консолидация элиты, прежде всего силовиков и бюрократии, вокруг высших эшелонов государственной власти». Автор констатирует: эта «модель запрограммирована на самосохранение любой ценой. Нынешний российский авторитаризм блокирует разрешение системных противоречий, препятствует демократизации общественной жизни. Сама сущность нынешней модели делает реальной перспективу развертывания государственного насилия над обществом, углубления антидемократической ориентации авторитаризма. «Дубиной по башке» — вот базовый принцип отношения власти к тем политическим течениям, которые не согласны солидаризироваться с системой». Однако власть уже не обладает той решимостью и теми средствами, которые в советскую эпоху до поры до времени обеспечивали покорность населения. «Обществу нужно найти в себе силы обеспечить преобладание процессов, служащих иному развитию событий. Главное здесь — смена типа российского авторитаризма на авторитаризм реформаторской ориентации». На вопрос «почему всего лишь смена типа авторитаризма, а не немедленная широкая демократизация?» автор отвечает: у нас нет общественных сил, «приверженных демократическим и гуманистическим ценностям и способных влиять на общественные процессы». Не сформировались социальные группы и политические силы, «готовые обеспечить эффективное функционирование демократических механизмов. Но в то же время достаточно выражен экстремизм наиболее влиятельных слоев элиты, использующих политическую дезориентацию, идейное и моральное оскудение населения и способных блокировать активизацию конструктивной оппозиции. Такая оппозиция в качестве значимой политической силы еще не возникла, как и не сложилась группа реформаторов, достаточная по своей численности и влиянию для осуществления глубоких перемен». Выборы 2011–2012 годов, предсказывает автор, не могут привести к принципиальным изменениям в расстановке политических сил. Сохранится доминирующая роль консервативной части правящей элиты.

Черты кризисности акцентирует **Лилия Шевцова** в обширной статье «Россия: Логика упадка» («Новая газета», 15 сентября). Бросив взгляд на судьбу цивилизаций, автор переходит к российским реалиям и пишет: «Агония приближается быстрее, чем наше осознание ее неотвратимости». Подходя к очередному кризису, российская элита каждый раз пыталась предложить не новые принципы упорядочивания общества, а новые формы воплощения старых принципов. Речь идет о постоянном возрождении триады — персоналистская власть, слияние власти и собственности и стремление удержать сферы геополитического влияния. Все попытки российского реформаторства оказывались способом сохранения этой триады.

«Что мы получили в итоге падения СССР? Обновление персоналистской власти в виде президентства, стоящего над обществом и ему не подконтрольного; слияние власти и на этот раз частной собственности и, наконец, сохранение стремления политического класса к наличию “сфер интересов”, т. е. элементов имперскости (пусть даже имитационной)». Борис Ельцин предстает у Шевцовой «как “лидер реставрации”, который возглавил возврат России к персоналистской власти, на сей раз в виде “назначенной монархии”, легитимирующей себя управляемыми выборами». Да и «российская элита, и в первую очередь те, кто позиционировал себя как демократы и либералы, сама отказалась от трансформации, сделав ставку на вождя как движущую силу российского развития». Как пишет Шевцова, «на протяжении двадцати лет и трех президентств в России произошла адаптация единовластия к новым условиям — через имитацию западных институтов и личную интеграцию элиты в Запад. Завораживающий парадокс в том, что отжившая свое система продлевает свою жизнь при помощи самого передового — западного общества! Несколько обстоятельств облегчили сохранение русской цивилизации, которая по своим принципам принадлежит прошлому, — импотенция “творческого меньшинства”; общая неспособность российской элиты подняться над своими эгоистическими интересами (в отличие от элит Восточной Европы) и попустительство Запада». По Шевцовой, «самым сильным ударом по будущему России стал конец российской интеллигенции. <...> С формированием нового единовластия российские интеллектуалы потеряли себя. Большинство из них так и не рискнуло стать антиподом новой персоналистской власти, маскирующей себя под демократию. А иные, напротив, стали ее пропагандистами, технологами и экспертами. И те и другие вместе стали могильщиками российского интеллектуального слоя как носителя моральных и репутационных критериев. <...> Российская реальность породила явления, немислимые для общества, в котором существуют традиция уважения к личности и гражданские свободы. Членство интеллектуалов в советах при авторитарном режиме; их бесчисленные обращения к обществу с призывами поддержать лидера либо письма к лидеру с просьбами проявить “волю” и “поработать на общее благо”; их готовность к созданию карманных партий и другие формы кооптации в орбиту власти — все это было бы концом репутации для интеллектуалов не только в “старом”, но и в новом, восточноевропейском обществах. Для России же прислуживание власти для думающего меньшинства является обыденным ритуалом. В итоге интеллектуальное обрамление позволяет власти выглядеть прилично». Но тактические победы ведут к стратегическим поражениям. Механизмы выживания, которые использует российская элита, облегчают осуществление ее текущих интересов, но усиливают тенденцию к упадку страны. Российское статус-кво «только ускоряет смерть системы и окормляющей ее государственности». Автор рассуждает: «Кремлевские хозяева, пожалуй, уже упустили шанс кончить так, как, скажем, филиппинский президент Маркос и тунисский президент Бен Али, которые нашли убежище за пределами своих стран. Можно было использовать медведовскую паузу

для поиска механизма, который бы гарантировал правящей команде личную безопасность и возможность покинуть Россию. Это бы создало условия для мирного выхода из стремительно деградирующей системы. Правящая команда решила играть до конца, тем самым обрекая страну на драматический сценарий». Но вот вопрос: «как Россия как человеческая общность сумеет перенести эту смерть и какова будет ее цена для рядовых граждан? Уже все начинает рассыпаться. Теряет влияние всесильный некогда институт лидерства. Среди политического класса зреет понимание, что опора на Путина как гаранта безопасности вскоре может создать угрозу выживанию этого класса. Государство и его силовые структуры воспринимаются населением как враждебная народу сила. Когда 73% респондентов считают, что за последние десять лет увеличился разрыв между богатыми и бедными; 52% полагают, что в руководстве страны больше воров и коррупции, чем в 90-е годы; и наконец, больше половины опрошенных уверены, что приближающиеся выборы будут нечестные, — это признак отчуждения населения от власти. <...> даже системные люди признают: катастрофа приближается! Спорят лишь о дате конца и о том, как он будет выглядеть. Между тем ставшее массовым навязчивое предсказание грядущего апокалипсиса не может не обрести политического значения: обычно его следствием бывает либо диктатура, либо агония. <...> Тем временем 22% (!) взрослого населения хотят уехать из страны и 28% молодежи готовы уехать из России “навсегда”. Следовательно, наиболее динамичная часть общества не намерена бороться за возрождение страны. Это самый тревожный симптом, который может означать, что Россия приближается к точке невозврата». Шевцова резюмирует: «Дальнейшее загнивание станет для общества драматическим испытанием. Коль скоро мы не можем реформировать эту систему изнутри и у нас нет сил демонтировать ее снаружи, необходимо, по крайней мере, осознать неизбежность ее конца и готовиться к нему. Мы не можем допустить повтора 1991 года, когда падение государства привело к реставрации единовластия».

Николай Клименюк в статье на snob.ru «Что плохого сделал мне Путин?» (27 сентября) отвечает на этот вопрос так: «Путин лишил меня возможности строить серьезные планы на будущее. Когда всем очевидно, что наступает стагнация и, хуже того, вот-вот все может рухнуть, трудно заниматься долгосрочным планированием. Например, карьеры. Зачем мне карьера в России, какая она может быть? <...> Куда мне развиваться, если я публицист и пишу на общественно-политические темы? <...> Я уже не говорю про то, что для огромного числа моих знакомых если не карьера, то планы на будущее связаны с переездом за границу. Трудно жить в стране, которую лишили надежды. Вернее, где надежды на перемены связаны только с экономическим кризисом, а единственной дееспособной альтернативой власти, похоже, стали националисты, ею же самой и выращенные». Далее: «Путин отнял у меня последние остатки чувства защищенности. В начале 2000-х милиция, например, еще хоть чего-то боялась. Ментам можно было сказать: “Вы не имеете права”, — и если они не имели, они отвязывались. <...> Меня сейчас никто не

трогает. Но я знаю, что если кто-то захочет снести дом, в котором я живу, у меня не будет никакой возможности его отстоять. Ну или придется вести полномасштабные боевые действия. Если в меня влетит мент или чиновник и разобьет свою и мою машину, то виноват буду я. Если я попадусь кому-то под руку, то меня могут посадить на любой срок с любой мотивировкой, как только что просто так, без всяких доказательств, посадили на 13 лет человека за изнасилование собственной дочери, которого он не совершал. <...> Что-нибудь обязательно найдется. И не поможет ничего: ни полное отсутствие вины, ни шум в прессе, ни благополучный социальный статус. <...> В стране кончились правила игры. <...> Многие из нас выбросили телевизор, потому что, если его случайно включить в неподходящий момент, можно окунуться в потоки дерьма, лжи и пропаганды. Телевидение отравлено, и мы отказались от него. Но не потому, что мы в принципе против телевидения, а потому что так проще. Можно жить и без ТВ. И вот точно так же мы все больше и больше отключаемся от страны. <...> Мне кажется, этого уже вполне достаточно, чтобы я мог считать Путина личным врагом».

Андрей Пионтковский в статье «**Война и мир**» (Каспаров.Ру, 11 августа) констатирует: «Кремлю удалось окончательно развалить то, что оставалось от СНГ». Проявились далеко не все последствия «спланированной кремлевскими паханами показательной экзекуции Грузии 2008 года». Однако вектор изменений определен. Сплотить общество «вокруг путинских воров в законе под лозунгом вставания с колен и преодоления крупнейшей геополитической катастрофы XX века» не удалось. А тем временем в Грузии авторитет команды Саакашвили—Мерабшвили укрепился. Оппозиция совершила политическое самоубийство, когда поползла за поддержкой в Москву. Успехи реформ, прежде всего реформы полиции, стали заразительными для общественного мнения России. А что до «освобожденных» Южной Осетии и Абхазии, то «к дюжине северокавказских царьков, ханов и паханов, которым вставая с колен Москва покорно выплачивает дань за их формальные заверения в лояльности, добавились еще два суверенных самца. Которые согласны принимать самую большую дань, но исключительно как равносубъектные самцы, в крайнем случае как равноправные члены G4 — Союза Великих Держав: России, Белоруссии, Абхазии и Южной Осетии». Слабовольный, отягощенный собственными проблемами, развращенный кремлевскими деньгами Запад согласился на кремлевские правила, стыдливо назвав их перезагрузкой. Но правила не заработали. Они были отвергнуты всеми странами СНГ. «Кремлевской шпане легко продавливать изнеженных западных лохов, но не людей, прошедших с ними десятилетия в одном лагере и прекрасно понимающих их уголовную природу. Грузинская война и безумная претензия Москвы на “зону привилегированных интересов” окончательно разрушили то, что еще оставалось от СНГ. Россия воспринимается соседями теперь прежде всего как источник очень серьезной угрозы. Прошедшие три года стали периодом обвального ухудшения отношений Москвы со всеми странами бывшего Советского Союза». Российская «политическая “элита” никак не может понять, что никому она

на хрен не нужна на постсоветском пространстве в качестве учителя жизни и центра притяжения, тем более *Большого Брата*».

Алексей Михайлов в статье **«Выборы полны неприятностей»** (Газета.Ru, 15 июня) полагает, что курс власти на перспективу предопределен. Произойдет: повышение пенсионного возраста вследствие кризиса распределительной системы; ужесточение призыва в армию вследствие резкого сокращения количества молодежи призывного возраста и нежелания генералов переходить на полностью контрактную армию; перевод бюджетных учреждений (школ, институтов, больниц) на коммерческие рельсы; введение налога на недвижимость с повышением сборов с населения этого налога в 10 и более раз; неснижение социального налога на зарплату; ужесточение трудового законодательства; продолжение повышения тарифов на жилищно-коммунальные услуги; принудительный переход на дороге энергосберегающие лампочки и принудительная установка счетчиков воды в квартирах за счет населения; будут расти бремя владения автомобилем, акцизы на алкоголь и табак. Автор прогнозирует и дальнейшее повышение курса рубля, которое сдерживает инфляцию, но угнетает российскую промышленность, т. к. увеличивает долю импорта на внутреннем рынке и сокращает несырьевой экспорт. Россия продолжит терять свои рынки, а значит, и перспективы. *«Почти всего перечисленного выше можно избежать, если использовать резервы, просто лежащие на поверхности».* Эти резервы: амбициозные политические проекты (саммит стран АТЭС-2012, Олимпиада-2014, чемпионаты мира по футболу и хоккею, «Формула-1» в Сочи, ГЛОНАСС и т. д.); строительство заведомо избыточных или убыточных трубопроводов; освоение заведомо невыгодной Восточной Сибири (речь идет о нефтедобыче); военная программа (20 трлн рублей на 10 лет — военный бюджет на душу населения в долларах увеличится еще в 1,5 раза и станет, наверное, рекордным в мире); воровство; откровенно заниженные налоги с «Газпрома»; программа приватизации; полтриллиона долларов валютных резервов ЦБР. *«Нет никакой необходимости в проведении жесткой экономической политики под условным названием “Гайдар-2”. Тогда, в 1991–1992 годах, экономическая политика была во многом вынужденная... Сейчас никакой нужды нет. Есть только желание продолжать воровать на стройках, госмонополиях, госрасходах и выполнении госфункций. Воровать все больше и больше. Деньги и бизнесы целиком, мобилизуя для этого все резервы, “отжимая” население, пока оно не взбунтуется»...*

Оппозиция

Исполнилось 20 лет России, возникшей после распада СССР. **Григорий Явлинский** в статье **«Ложь и легитимность»** (сайт Радио Свобода, 6 апреля) подводит итоги этих лет. *«Современный российский политический режим, возникший после 1991 года и оформившийся в последнее десятилетие, так и не создал современное государство».* Как следствие продолжается углубляющийся и превращающийся в непреодолимый раскол между властью и народом,

государством и обществом. Народ налаживает свою жизнь вне государства. Растущие масштабы алкоголизма и наркомании, уход в виртуальный мир, преступность — все это формы бегства от лишенной перспектив действительности. Воинственный имморализм и всеобъемлющая ложь, насаждаемые в обществе, возвращение грубой официальной пропаганды привели к духовной усталости народа, к политической и социальной апатии, «утечке мозгов» и эмиграционным настроениям. *«Этот разрыв не ликвидировать в одночасье даже относительно честными выборами или внезапной отменой цензуры, — пишет Явлинский. — Время упущено».* В стране с таким отсутствием ощущения идентичности, с таким разорванным и расколотым сознанием нельзя сделать ничего — ни модернизации, ни инновации, ни чего-либо еще полезного. *«С народом, преданным и развращенным его элитой, можно только дожидаться окончательного распада».* Явлинский продолжает: *«Главной политической проблемой нашей страны является не уровень и качество демократии или защиты свобод и прав граждан, как это принято считать, а неограниченная и тотальная ложь в качестве основы государства и государственной политики. <...> Страна попала в порочный круг: не отказавшись от лжи, нельзя провести сколько-нибудь эффективные реформы, а отказ от лжи угрожает системе в целом».* По Явлинскому, *«российская политическая система — это имитация современной государственности, “потемкинская деревня”, состоящая из псевдоинститутов, постоянно и грубо фальсифицируемых процедур. В жизни общества отсутствует подлинность, она заменена бесконечными “симулякрами”.* Вместо государства мы имеем сегодня обортку системы, способную только имитировать государственную деятельность. В таких условиях не может складываться, функционировать и развиваться целостное жизнеспособное российское общество. *«Думаю, — пишет Явлинский, — что ситуация... стала угрожать самому существованию России».* Власть теряет остатки даже формальной демократической легитимности, систематически фальсифицируя выборы. Новые попытки заместить вакуум мессианскими, державно-имперскими идеями даже в модернизированном виде (претензии Москвы на роль мирового финансового центра) оказываются безнадежными. Политическое мышление застыло на уровне начала прошлого века. Нет однозначного осуждения государственного террора, предпринимаются попытки найти ему оправдание в духе *realpolitik*. *«Нынешняя система неререформируема».* Автор рассуждает: *«Нужно сделать все, чтобы выход из сложившейся ситуации не выходил за рамки гражданского мира и осуществлялся эволюционным путем. <...> Нужно вести диалог с этой властью, например, в форме круглого стола, то есть искать компромиссные и промежуточные решения».* А в перспективе *«необходимо продолжить и завершить политическую трансформацию, начатую весной 1917 года и прерванную антигосударственным переворотом. Учредительное собрание может стать фундаментальным событием в построении современного российского государства. Мирное продвижение к Учредительному собранию должно представлять собой такой политический процесс, который бы сам по себе фактически ча-*

стично легитимировал российскую власть, даже оставаясь в рамках нынешних конституционных основ».

Дирижер **Михаил Аркадьев** 20 мая в блоге **arkdv** в ЖЖ свою манифестальную статью «**Движение Сопротивления**» начинает так: «*Что произошло с моей Россией? Где та Россия, которую я любил? Где Россия, которая когда-то была милосердной, терпимой и нравственно обеспокоенной страной? Где та Россия, которая была готова посмотреть на себя глазами П. Я. Чаадаева? Где Россия Льва Толстого и Федора Достоевского? Где Россия, в которой Салтыков-Шедрин не считался русофобом, написав смешную до горьких слез “Историю города Глупова”?*» Где Россия, которая чувствовала и принимала при дворе главу чеченского ополчения Шамиля? Где Россия, в которой бедный еврей Бейлис выиграл процесс... в котором его обвиняли в человеческих жертвоприношениях, но где это обвинение потерпело крах? Где Россия, в которой интеллигенция следила за каждым поворотом в деле Дрейфуса и вчитывалась в каждое слово Э. Золя? Где Россия, в которой речи великих адвокатов слушались, публиковались и читались как бестселлеры? Где Россия, где понятие чести связывалось с автономной личностью и индивидуальным выбором, а не коллективом или группой? Где Россия, в которой великий композитор Римский-Корсаков, профессор консерватории, ходил вместе со студентами протестовать против злоупотреблений властей? Где Россия, в которой простые американцы предпочитали оставлять свои банковские вклады, так как российские банки, наряду с германскими, были самыми надежными в мире? Где Россия, в которой меценаты могли вложить личные деньги в гастрольную поездку гениального и совсем некоммерческого музыканта Скрябина или в создание Музея изящных искусств?» Увы. «Мы живем в период, подобные которому когда-то назывались “годами глухой реакции”. В очередном российском средневековье. Мы живем в стране, в которой почти не осталось в качестве нормальных и общераспространенных явлений: первичного естественного человеческого достоинства, первичной естественной человеческой доброжелательности. Мы живем в стране, в которой большое и малое унижение стало привычкой. <...> Скрытое и потому привычное глумление над достоинством человека обнаруживается у нас в самых незначительных, на первый взгляд, вещах». Аркадьев пишет: «*Вопреки почти полной немыслимости реально противостоять реставрации номенклатурной власти и, что гораздо опаснее, инфантильной ностальгии большинства искалеченных сталинизмом и постсталинизмом россиян по “сильному государству” необходимо все же этому всему противостоять, сопротивляться, утверждая и постоянно подчеркивая принципиальную абсурдность ситуации. НЕОБХОДИМО ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ.* <...> Все это, вся эта картина тяжелого сползания России в провинциальное средневековье и беззаконие вызывает желание сопротивляться. Именно это естественное желание лежит в основе движения “несогласных”, движения российского Сопротивления, и именно это естественное стремление объединяет в одной связке людей и партии, которые в нормальной демократической ситуации никогда бы не были вместе. <...> Теперь вновь мы готовы себя ошутить теми, кто противостоя-

ит самому отвратительному из человеческих зол: наглому всевластию и беззаконию государственных функционеров. Поэтому так естественно рождение и развитие нового “революционного движения” в России — движения Сопrotивления. И оно обязано быть. Даже если оно обречено». Автор объявляет: «я примыкаю к Сопrotивлению, к движению “несогласных”. <...> В данный исторический момент в России Сопrotивление ценно само по себе, так как большинство граждан страны, к несчастью, отказалось от него».

1991–2011

Годовщина августовского путча вызвала поток комментариев.

В «Ежедневном журнале» появилась серия откликов. **Александр Подрабинец** в статье «Свой август, или Четыре невыученных урока» (22 августа) замечает, что четыре урока следовало бы усвоить из Августовской революции. 1. Урок первый, для общества: «нельзя отдавать свободу в чужие руки». Свобода, завоеванная в противостоянии с ГКЧП, очень быстро перетекла из рук тех, кто ее добывал, в руки тех, кто ею воспользовался. В аппаратных играх Россия потеряла добытую на улицах свободу. 2. Урок второй, для политиков: «в продвижении к демократии нельзя останавливаться». Политическую осторожность начали проявлять с первых же дней. КГБ было сохранено. В дальнейшем политики не раз останавливались там, где надо было двигаться вперед: отказались от суда над КПСС, заменив его карикатурным разбирательством в Конституционном суде; отказались от люстрации, от демократизации, от радикальных демократических преобразований. И чем больше они тормозили демократическое развитие, тем стремительнее теряли политическое влияние, уступая свои места выходцам из партноменклатуры и КГБ. 3. Урок третий: «оппозиция важнее власти». Прельстившись возможностью получить легкий доступ к трибунам и микрофонам, построить то, о чем столько мечталось, демократические лидеры пренебрегли оппозиционной платформой и на рубеже 90-х ринулись во власть. Включая, увы, и бывших диссидентов. Они не завоевали власть на честных выборах или баррикадах, они слились с теми, кому должны были противостоять. Они купились на обещания и должности. Они прельстились погумушками, и оппортировать власть стало некому. Силы демократической оппозиции истощились, и она зачахла. Оппонентами новой власти стали коммунисты и националисты. Демократы не долго оставались при дворе — исполнив свой пропагандистский долг, они были изгнаны восвояси, а поле оппозиции между тем заросло сорняком и стало пустынным. Да и само понятие «демократ» девальвировалось и в общественном понимании стало едва ли не ругательством. 4. Урок четвертый: «жертвовать идеями ради коалиции опасно». Идея, что коалиция создается только для достижения цели, а потом «разбежимся и каждый будет сам по себе», вовсе не так безобидна, как кажется. Она неизбежно ведет к дезорганизации политического объединения, упадку сил и, что самое главное, — к катастрофическим репутационным потерям.

Александр Рыклин в статье «Русский август» («ЕЖ», 19 августа) констатировал: *«Те люди, в августе 1991 года отдавшие свои жизни во имя победы революции, знали, что такое чувство собственного достоинства. А мы, оставшиеся в живых, это самое чувство утратили»*. Автор вопрошает: *«Может, кто-нибудь попытает меня убедить, что в августе 91-го люди погибли, например, за то, чтобы через двадцать лет у нас вновь была однопартийная система? И партия называлась “Единая Россия”?* То есть за спикера Грызлова они погибли, за вице-спикера Слиску? Оскорбительно как-то... Или они отдали свои жизни, чтобы Валентина Матвиенко... триумфально победила на муниципальных выборах у Красненькой речки и всем своим монументальным фасадом водрузилась в Совете Федерации? <...> А что, Янаев, скажем, или Крючков чем-то принципиально отличались от Путина?.. Хотя о чем это я? Конечно, отличались — званием, например... А еще, я не сомневаюсь, своим искренним служением империи... Не баблу, не преступной корпорации, а именно — имперской идее, какой бы отвратительной лично мне она ни казалась».

Павел Проценко в статье «Белый дом России, или Наутро после карнавала» («ЕЖ», 19 августа) размышляет: *«К началу 1970-х годов широкие круги советского правящего слоя были пронизаны тоской по конвергенции с Западом. Советская партийно-государственная бюрократия мечтала перевести партийно-государственные структуры управления в президентско-парламентский строй, конвертировать свою политическую власть в экономическую, легализовать свою теневую собственность и т. п. И уже на этом легитимном поле продолжать, на “законных” основаниях, борьбу с Западом. Вечером 19 августа 1991 года, уходя от Белого дома России, я вынес убеждение, что борьба с путчем — это логическое продолжение номенклатурного сдвига, начатого Горбачевым и направленного на подмену настоящего освобождения от коммунистической диктатуры партийными заместителями свободы. <...> Сейчас, через 20 лет после появления на свет “Белого дома” “новой России”, морок торжества демократии рассеялся. На повестке дня стоит вопрос о воссоздании нового СССР. Мрачные отсветы этого процесса реставрации освещают неприглядную картину руин, в которые превратилось наше общество. Общество, которому не знакомо чувство раскаяния. У которого нет стыда за пережитое, нет и осознания пройденного пути. В котором царит хаос, словно наутро после большой пьянки. И у которого остаются лишь смутные надежды на лучшее, все-таки пока еще — надежды»*.

Анатолий Бернштейн в статье «Я — каждый десятый» («ЕЖ», 19 августа) вспоминает: *«Август 91-го был для меня и для очень многих периодом надежд и открытий, невероятным временем, потому что советская система вдруг грохнулась, хотя вероятность этого казалась фантастической. Как будто вышибли дверь из затхлого и мрачного чулана, потому что больше невозможно было дышать. Неожиданно страна стала своей. Впервые в жизни, хоть и на короткое время, мы ощущали единение с властью. Она была наша. События конца августа того памятного года стали для нас открытием мира, взломом архивов и приобретением новых знаний. Это был “прямой эфир”, когда ничего*

нельзя “вырезать”. Нам преподали трудный урок свободы... Мы обрели возможность дышать, раскрепоститься и жить как хотим <...> Но эйфория быстро сменилась апатией. Еще быстрее правда позрела во лжи. А потом наступило разочарование. Мы дали себе и миру шанс. Мир им воспользовался. Мы же его профукали. Не оценили должным образом, оказались не готовы к подлинной свободе, а лишь нетерпеливы, как дети. <...> И в очередной раз мы не смогли до конца воспользоваться данным нам историческим шансом сделать жизнь лучше и чище. Жалко. И обидно, что так бездарно растратили созидательную энергию многих простых и хороших людей, поверивших в чудо, но вскоре почувствовавших себя жестоко обманутыми».

Адель Калининchenko в статье «**Прощание с августом**» («ЕЖ», 19 августа) пишет: «Тогда у Белого дома демократом себя считал каждый, вкладывая в это слово его подлинный, обязывающий смысл. <...> О слово “демократия” сегодняшние “продуманные” и циничные вожди вытерли ноги, нарисовали на нем череп с костями и стали пугать им несчастных зомбированных услужливой пропагандой обывателей. Люди же, что стояли в кольце у Белого дома в ту исполненную высокого смысла ночь, разбрелись кто куда. Разошлись по домам, разъехались, ушли в себя или... от нас. А вокруг того самого Белого дома власть уже давно возвела высокую ограду. Больше никогда не будет “живого кольца” защитников. Но не потому, что не подойти, а потому, что то, что находится внутри Белого дома теперь, людям не придет в голову защищать. Тогда... народ пришел защитить свое народовластие и свое самоуважение. Но сначала мы выпрямились и подняли голову. А еще... встали с колен. Именно тогда, по сути, за всю многовековую историю первый и, увы, возможно, последний раз. “Такое не должно повториться” — написано на хитрой роже власти. Она теперь поет людям свою колыбельную песню, мурлычет притворным, ласковым голоском: “Спи, мой доверчивый несмышлениш. Не было никогда никакого 19 августа. Все это был лишь глупый сон”. ...Но это было наяву. И это были мы!»

Валерия Новодворская в Гранях.Ру 22 августа («**Осень после Августа**») подводит такой итог историческим трудам и битвам: «Август дал великий шанс построить нормальный, комфортабельный, либеральный капитализм с евроремонтом. Миллионы совков помешали нам это сделать. Но и социализма больше не будет никогда. Бабло победило Зло. «Укрась» стало главным лозунгом истеблишмента. Наш капитализм — это трущоба; он плохонький, кривой, и удобства на улице. Но лучше такой, чем то, что было до Августа. Народ, конечно, право имел, но на поверку перед реформами оказался тварью дрожащей. Однако горстка храбрецов свалила ГКЧП не зря. Жив Горби, ставший социал-демократом, оппозиционером, копающим под Кремль, охотником до прав и свобод. Живы почти все из нас. Личная свобода есть у всех. Особенно на нашей кухне, в интернете. Нет больше нелегальной литературы, границы открыты, а страна полна еды, одежды и обуви. Правда, одежда и обувь все еще не наши, как и машины. Это не то, что мы заказывали, но шеф-повар в каждой стране — это народ, и он определяет меню. На самом деле, знать надо даже не путиных, а тех, кто их выбирает. Оставшись наедине со стоявшими

у Белого дома, путины сами в ужасе разбегутся и, может быть, даже уронят часть нагрбленного. Да, мы, флибустьеры и авантюристы 91-го года, живы, а дело ГКЧП в земле сырой или на дне морском. Нет только нашего капитана, который в Августе, 20 лет назад, сказал: “Еще не вечер!”. Нет Бориса Ельцина, взявшего на бордаж и пустившего на дно СССР. И пусть ему лучшим памятником будет построенный в боях наш капитализм».

На сайте Каспаров.ru 19 августа **Сергей Петрунин** («20 лет спустя. Блогеры поделились воспоминаниями об августовском путче») делает обзор блогосферы. Он цитирует записи Григория Пасько, Олега Козырева, Евгения Додолева и др. «Революция 1991 года — самое романтическое событие в жизни нашего поколения, — писал главный редактор русского GQ **Николай Усков**. — Тот, кто пережил те дни в Москве, и сам это знает. Вопрос, породил ли Ельцин Путина или он сам таким уродился, неправиомерен. За революцией всегда приходит реставрация. И если бы Путина не было, его бы следовало выдумать. Общество 90-х и общество нулевых решало качественно разные задачи. Сегодня, в атмосфере тотального общественного пессимизма, трудно поверить, что тогда, в 1991 году, было по-другому. Существенно менее обеспеченные, изнуренные очередями за самым необходимым, еще почти невъездные люди жили верой в лучшее будущее, в Россию, в ее президента, в ее вновь обретенный флаг. Казалось, совковый мрак, сожравший некогда великую страну, рассеялся. Еще подростком меня оскорбляло все советское: насилие над личностью, отсутствие собственности, а вместе с ней и права на личное пространство, Ильич, извращенная классовая мораль, безбожие, вульгарный материализм, безвкусица советского официоза, ничтожество гуманитарной мысли. И это при том, что мне выпало родиться и вырасти в самый уважаемый из советских периодов истории — брежневский. Словом, лично мне не нужен был социализм даже с человеческим лицом. Никакой вообще. Полный демонтаж ненавистной системы — таково было общее требование народа, вышедшего миллионами на улицы августовской Москвы 1991 года. Перевернулась страница. Перед нами открылась новая. Теперь только от нас зависело, что на этой странице будет написано. Звучит пафосно? Нисколько. Так оно и было. И мы писали свои жизни. Я, если кому интересно, делал это с большим удовольствием и азартом. 90-е — очень дорогое для меня время, хотя я тогда не стал еще ни богатым, ни известным, а был всего лишь ученым и преподавателем».

Андрей Пионтковский («Реформаторы и демшиза: 1991–2011» (Каспаров. ru 18 августа) рассуждает: «XX век обещал стать веком России. В начале века Россия пережила небывалый культурный взлет... В середине века Россия одержала самую выдающуюся военную победу в своей истории. В конце века Россия оказалась перед закрытой дверью в следующее тысячелетие. Шансы на реформу были утрачены в 1911-м, 1929-м, 1953-м, 1965-м... Каждый раз это стоило стране огромных потерь и жертв. Последний раз такой шанс был в 1991-м. Сотни тысяч людей собирались на митингах в Москве, Санкт-Петербурге, Кемерове. Я помню их лица. Это были честные люди, исполненные достоинства и надежды. Они не могли больше терпеть лжи, лицемерия, тупости, бездарно-

сти тоталитарного режима. У них были вдохновенные лица. Теперь они усталые, безразличные и равнодушные. И в массе своей эти люди никогда больше не выйдут на площадь. Они всегда были и оставались маргиналами, лузерами, демизой и для кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Ельцина, и для потомственного номенклатурищика Гайдара. И для их сегодняшних наследников, 12 лет лизавших сапоги майора КГБ Путина и готовых продолжить это увлекательное занятие еще 12 лет, если только этот прикормленный Самец Нации подвесит себе какой-нибудь либеральный бантик по имени Медведев или Прохоров. По их спинам в 1991-м пришли к властесобственности совсем другие люди. Господа-товарищи из все той же старой номенклатуры, слегка разбавленные новыми выдвиженцами из интеллектуальной obsługi. <...> В стране создана бесстыдная в своей откровенности система слияния власти и денег. По единодушному признанию ведущих бизнесменов, единственным высокоприбыльным бизнесом является власть, и так будет в России всегда». Автор вопрошает: «Так что же произошло двадцать лет назад в те три августовских дня, которые потрясли Россию и мир? Сегодня в ретроспективе очевидно, что в стратегическом курсе на номенклатурную приватизацию не было принципиальных разногласий между околоельцинскими «номенклатурными реформаторами» и лагерем путчистов. <...> Разошлись они в другом. Кланам, стоявшим за путчем, хотелось не только громадной собственности, но и имперского величия в придачу. Прагматик Ельцин понимал, что империю не удастся сохранить даже ценой очень большой крови. <...> Путч был не прокоммунистический, а скорее проимперский. Его победа привела бы к югославскому сценарию в напичканной ядерным оружием распадавшейся сверхдержаве, то есть к катастрофе планетарного масштаба. Ельцин стал в те три дня символом сопротивления путчистам и проявил себя в этой роли достойно. Но он не был организатором гражданского сопротивления. <...> Почему мы проиграли? Почему проиграла свое историческое будущее страна? Я не склонен винить номенклатуру. Столетняя эволюция нового класса закономерна и предсказана классиками. Оруэллом, например, в «Animal Farm». Нельзя винить животное за его биологическую природу. Ответственен мыслящий тростник. Достойно сожаления, что подавляющее большинство статусной интеллигенции пошло в услужение режиму Ельцина—Путина. Соблазненная головокружительно жирными сырьевыми обедами в лакейской воров в законе, последняя (де)генерация русской интеллигенции превратилась в капо правящего режима. Но, как известно, нет такой подлости, которую постсоветский интеллигент не смог бы для себя идеологически оправдать и обосновать. Мало ему на «державный» кол смачно сесть — надо ведь еще и либеральную рыбку съесть на десерт для душевного равновесия. Такой либеральной рыбкой для наших стыдливых альхенов стали ритуально повторяемые ими утверждения о реформаторской в целом природе сложившегося в России за последние два десятилетия режима. И сегодня эти преуспевающие капо откровенно преступного режима продолжают нести свой бесстыжий бред то о либеральном Ай-Фончике, то о либеральном Ай-да-Фуйчике, и все вместе — о не созревших для их великих реформ быдле — русском народе. <...>

Не архаичные ценности массового традиционного сознания привели к власти путинскую хунту, а чисто конкретные прогрессивные мерзавцы из наследников Ельцина—Гайдара, чтобы та охраняла завоевания их “реформ”: Волошин, Юмашев, Дьяченко, Березовский, Абрамович, Чубайс. А что касается Гайдара, то он до последнего дыхания верно служил путинскому режиму, не гнушаясь выполнять самые грязные его задания. Достаточно вспомнить, как старательно отмывал он убийц Политковской и Литвиненко, суетливо бегая из одной телестудии в другую. В результате реформ Ельцина—Гайдара осуществились все золотые мечты партийно-гэбистской номенклатуры, которая и задумала перестройку в середине 80-х годов. Чего она достигла в результате 20-летнего цикла? Полной концентрации политической власти, такой же, как и раньше; громадных личных состояний, которые тогда были немислимы, и совершенно другого стиля жизни (что в Куршевеле, что на Сардинии). И самое главное — как правители они избавились от какой-либо социальной и исторической ответственности. <...> Мы существуем сегодня в контексте двойного отчуждения, двойной пропасти — не только полной дискредитации верховной власти в глазах политического класса, но и полной дискредитации всего современного политического класса в глазах общества... Собственно говоря, мы снова оказались в той же драматической ситуации, о которой веховцы говорили около века назад. Последние сто лет русской истории мы прошли по заснеженному кругу, безнадежно застряв в петле времени. Поэтому и остается у нас Путин навсегда, какую бы фамилию он ни носил в текущей каденции. За сотню без малого лет великие злодеи Революции (Ленин, Троцкий, Сталин) сначала превратились в смешных беспомощных старцев (Брежнев, Андропов, Черненко), а затем, окропившись живой водицей номенклатурной приватизации, оборотились в молодых спортивных сексапильных нефтетрейдеров (Путин, Абрамович, Тимченко). Эти чисто конкретные пацаны и есть подлинные наследники Октября, последняя генерация его вождей, закономерный и неизбежный итог эволюции “нового класса”. Жизнь удалась. Это для них десятки миллионов жертв столетнего эксперимента (лузеров в их терминологии) унавозили почву. Им нечего больше желать. Для них наступил персональный фукуямовский конец Истории. У них нет и не может быть проекта будущего. Они уже в у-вечности. Путинская у-вечность — это склоннувшаяся черная дыра русской истории, свидригайловская деревенская заковтая банька с ползающими по всем углам разбухшими пауками — ветеранами дрезденской резидентуры и кооператива “Озеро”. <...> За двадцать лет выросло лишенное будущего поколение детей тех, “у кого ничего не украли”. И оно только начинает предъявлять свой счет».

Игорь Свиначенко в статье «Преображение улицы» (Газета.Ru, 18 августа) вспоминает о 1991 годе и сравнивает его с 2011-м. «К юбилею путча я вспомнил главное: какие ж были хорошие лица у людей на улицах в августе 91-го! Когда мы победили. Таких мне раньше не приходилось видеть... Может, нам такого больше и не выпадет в жизни. Эти лица появились в августе 91-го (а может, и раньше?) и продержались не месяц, не год даже — больше! — до первых чисел октября 93-го. <...> Теперешние лица, которые я вижу на улицах Москвы и

по ТВ, имеют ужасное выражение. Убийственное. Да даже и у штатских». Свиноаренко читает бунинские «Окаянные дни» и находит прямые созвучия. «Русских интеллигентов, как всегда, развели на слонтявку, — пишет он. — Они теперь смотрят на чужую власть, на чужие капиталы, чужое ТВ, платную учебу и недоступную медицину и вынуждены также слушать чужую музыку — тот же шансон. “А где же демократические свободы?” — спрашивают они прежних союзников, российских бизнесменов. “Ну, капитализм бывает и без некоторых свобод”, — отвечают те спокойно. Что правда. Облезлые и пожухлые беззубые интеллигенты, все в тех же самодельных свитерах, в которых мерзли белодомовскими ночами, пожимают плечами и уезжают на свои деревенские сотки в 300 км от Москвы, где ведут жизнь крестьян XVIII века».

Семен Новопрудский в статье «Советский склад» (Газета.Ru, 19 августа) констатировал: 17 лет подряд Левада-центр опрашивает россиян об августовском путче. В 2011 году 39% россиян сочли путч «трагическим событием, имевшим гибельные последствия для страны и народа». Впервые за все время опроса этот ответ стал популярнее другого — «просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны» (так думают 35% опрошенных). Медленно, но верно событие входит в тройку самых значительных эпизодов истории России XX века (наряду с Октябрьским переворотом и Великой отечественной войной). «Но если составить каталог советского и собственно российского в нашей сегодняшней жизни, советского окажется больше. Нами правит член КПСС Владимир Путин, с мировоззрением вполне советского человека <...> У нас вполне советские институты власти. Хотя партий вроде бы больше, чем одна, но парламент, как и в СССР, не место для дискуссий. “Единая Россия” сама по себе смотрится как пародия на КПСС, а “Общероссийский народный фронт” — прямо вылитый “нерушимый блок коммунистов и беспартийных”. У нас, за редким исключением, советские дороги <...> и советское бездорожье. У нас советская канализация. У нас в основной массе советские дома, школы и больницы — прямо советских времен или построенные по позднесоветским типовым проектам. У нас преимущественно советские учителя и врачи. У нас советская армия, с советской военной техникой и оружием. <...> У нас советские нефть и газ: все основные месторождения открыты и начали эксплуатироваться в советские времена. У нас советские спецслужбы, суды и тюрьмы: здесь еще не было даже горбачевской перестройки. <...> У нас советская милиция, которая защищает начальство от граждан, а не граждан от преступников. <...> У нас советские деятели культуры — те, что готовы прислуживать любой власти ради доступа к кормушке. У нас великое множество советских ландшафтов: вся российская провинция осталась советской по набору памятников, топонимике, просто по видам за окном. Судя по результатам выборов, у нас советский менталитет. Большинство все еще думают или просто верят, что нас должно кормить государство, будто не мы кормим чиновников. <...> У нас советское выражение лица. Мы в основной своей массе считаем идиотизмом улыбку на лице без причины, зато выражение хмурой безнадежности и беспричинной злобы кажется

нам совершенно оправданным и естественным. У нас советские представления о мире. Значительная часть россиян по-прежнему верят в культивируемые российской властью советские мифы о враждебном Западе, о желании внешних врагов во что бы то ни стало уничтожить Россию. Эти же люди искренне полагают, что все еще живут в сверхдержаве, которая имеет право и способна диктовать кому-то свою волю». Новопрудский беспощадно заключает: «Мы живем на советском складе. Мы оказались в бронепоезде на запасном пути истории. Наши рельсы проржавели и поросли бурьяном. Сожалеть о распаде СССР бессмысленно: вон сколько его вокруг».

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Корректор — Г. Заславская

ЛР № 066469

Подписано в печать 10.04.2012. Формат 60×84/16. Бумага типографская.

Гарнитура «Ньютон». Печ. л. 6. Тираж 1500 экз.

Заказ №